

Сергей Семенов

СОН МОЕЙ МЕЧТЫ

Сборник стихов

Сергей Семенов

Сон моей мечты.

Сборник стихов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804971
ISBN 9785447458553*

Аннотация

Красивые поэтические шедевры – это мотивация к созиданию и стремление к лучшему, это способность дать человеку возможность видеть красоту, слышать красоту, ощущать красоту и этим наслаждаться. Поэтому прежде чем читать эту книгу, внимательно изучите ее содержание и решите для себя: а стоит ли ее читать? Или надо ограничиться этим изучением и остановиться на краю пропасти неизведанного и не испытывать свою судьбу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Стихотворения	5
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Сон моей мечты Сборник стихов

Сергей Семенов

© Сергей Семенов, 2023

ISBN 978-5-4474-5855-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихотворения

* * *

Владимир Путин – Президент России
Торжественно Россию создает,
Ведет народ вперед красиво,
От Бога милости не ждет.

Россия – новая Россия,
С колен ты гордо поднялась,
Свое могущество забыла,
Но за гроши не продалась.

Твой повелитель – крепкий лидер,
Народный воин и герой.
Его взрастил Великий Питер,
Ему понятный и родной.

Владимир Путин – он трудяга:
Вся жизнь его – великий труд.
И государственные блага,
Хоть постепенно, но растут.

Он – собиратель земли русской.
Он Крым Великий возвратил,
Владивосток и Остров Русский

Стальным мостом соединил.

Лицо великого народа
Россия вновь приобрела.
И торжествует вся природа.
Растет зеленая трава.

* * *

Рыдают женщины и дети,
Рыдают даже старики.
Террор шагает по планете
И сеет смерть на всем пути.

После него лишь разрушенья,
Могилы, белые кресты,
И всей Вселенной возмущенье
От малой до большой звезды.

Природа корчится в мученьях:
Озера, степи и поля
Не видят близкого спасенья,
Не видно им смертям конца.

Погода нравом поостыла:
Сковал ее животный страх,
Гор тишину вдруг полюбила.
Придет, наверно, скоро крах.

Крах мирной жизни на планете
И счастья крах простых людей.
Истоки жизни в солнечном свете
Ни для людей, а для зверей.

Молитесь люди, все молитесь!
Молитвы Ваши Всевышней ждет.
России низко поклонитесь:
Владимир Путин Вас спасет.

* * *

Вытерать не будем слезы
Мы ни с сердца, ни с души.
Страх страданий и угрозы
В своем теле заглуши.

К жизни мертвых не вернуть,
А душевные страдания
В колесо надо согнуть,
Как ненужное желанье.

Чтобы ровно покатилась
В рай бессмертная душа,
Чтобы смерть не возвратилась,
Чтобы слез на полгроша.

А жестокость и пороки
С диких гор большой рекой,

Бесконечны в них истоки,
Лед холодный молодой.

Обесточено желанье,
Заморожен страсти ход.
От безумья и страданья
В горы, в тягостный поход.

Заболели наши души,
Заболели и сердца.
По воде или по суше,
Но пройдем путь до конца.

* * *

Я не требую счастья много.
Мне б кусочек небольшой.
Я прошу об этом Бога
В этот вечер голубой.

Звезд пока еще не видно,
И не выплыла луна.
И из нор не вышло «быдло»,
Не заплакала роса.

Не растрачу свою радость:
Сила воли через край.
Но под вечер только слабость:
Хоть рыдай, хоть не рыдай.

Я не требую веселья.
Я смеяться не хочу.
Мое тело для безделья
Не готово – зарычу.

Лес уже меня не скроет:
Засветился я в лесу.
Ветер вновь тревожно воет.
Треплет леса красоту.

На поляне отдыхаю:
Я жду выхода луны.
В траве силу собираю
Ни для сна, а для борьбы.

* * *

Три «идиота» обрубili
Союза крепкого, людей.
В лесу немного подолбили
И превратили всех в зверей.

Среди людей мы тоже были:
Брили все вместе на заклад.
И честь, и совесть все забыли,
Как будто посулили клад.

Взорвали чудное мгновенье

И на троих распили штоф,
И осенило озаренье
Всей гениальностью борцов.

Создали новое строенье
И закрепили на крови.
И чье-то, слушая вновь пенье,
Точили шумно «топоры».

Устали очень от работы,
Пошли попариться втроем,
Чужие оголив заботы,
Разрушили мой крепкий дом.

Я от обиды не рыдаю.
Я злость свою не берегу.
И тех троих я проклиная.
Их души в ад я отведу.

* * *

Сегодня я силен, как прежде,
И не помеха седина.
В успех я верю, и надежде
Моя вся сила отдана.

Я поднимаю кверху руки,
Срываю листья вновь с берез
И забываю о разлуке

И о тепле горячих слез.

Мне то тепло сковало душу
И в бездну сбросило с горы,
Потом подбросило на сушу
На время, или до поры.

До той поры, когда волненье
Не будет трогать тишину,
А ветра тихое движенье
Не повредит пейзаж в лесу.

Очарованье и воздушность,
И сказки русской волшебство,
Кустов зеленых ряда кучность,
И в озере мое лицо.

Туман я тихо поднимаю,
Его вдоль берега несу
И вечер черный обнимаю,
Не разрушая красоту.

* * *

Снежная буря Россию сожмет
До Подмосковья большого.
Кто-то не знает, а кто-то ждет
Рая уже неземного.

Был и Союз. И Держава была,
Строгость вовне соблюдала.
Мощной и сильной была страна
И уважать заставляла.

Только культяпый кормить не хотел
Членов большого Союза,
На Горбачева немного присел,
Сбросив с себя часть груза.

Думал народ, что счастье нашел,
Радость, великие блага.
Царь справедливый на трон взошел,
С ним же воров ватага.

Грабили с гиком лихо страну,
С пьяным царем Борисом,
Бедностью били народ по лицу,
Но завалили рисом.

Жри ты и пей ты, нищий народ,
В роскоши, в славе купайся,
Тихо свободу засунь себе в рот
И капиталу продайся.

* * *

Глубокий сон моей мечты
Я потревожить не смогу.

Остаток жизни и любви
Я в тихой славе проведу.

Я с детских лет всегда мечтал
Стать знаменитым на земле.
Я с детских лет стихи писал
О тихом лесе, о себе.

Любил бродить я по полям
И слушать поля тишину.
Любил бродить я по лугам,
Сбивая нежную росу.

Роскошный день, роскошный свет —
От солнца яркого подарок.
А ночью мне дает совет
Луна за десять черных марок.

Я жить стараюсь, не греша,
Заветы Бога соблюдать.
Я жить стараюсь, не спеша,
И, если нужно, просто ждать.

Прихода нежной красоты
В тумане бешеных страстей.
Прихода вечности в любви
Среди людей, среди людей.

Все разыграли, как в тихом кино,
Как на военной карте.
Бросили лихо народ весь в дерьмо
В месяце странном, в марте.

И Горбачев, и Ельцин больной
Предали радость Союза.
Первый дробил вместе с женой,
А второй – под тяжестью груза.

Пьяного груза, принявши на грудь,
В пьяном угаре безумца,
Лихо историю решил развернуть
В хохоте бедного думца.

Стоны не слыша, не слыша мольбы,
Бил от души по морде,
Не пощадил народной судьбы
«Царь-душегуб», в народе.

Сколько ты выстрадал, бедный народ,
Сколько еще пострадаешь.
Били и в зубы, били и в рот.
Что тебя ждет, не знаешь?

Пьяница, вроде, совсем уже слег:
Флагом России прикрыли.
Только народ по-прежнему лох:

Бьют олигархи, как били.

* * *

Волшебный звук твоей души
Никто не слышит в тишине.
Никто не сможет о любви
Мне откровенно рассказать.

Хотя об этом не прошу,
И много лет к чужой судьбе
Я обратиться не смогу,
От горя чтобы не страдать.

Волненье сказочных друзей
Не тронет нас уже с тобой.
Но передается на зверей
Волненье их, как свет лучей.

Хочу умыться я росой
Или студеною водой
Из родника, что под горой,
Многообразием ключей.

Я на вершину поднимусь
Святой горы – Новый Афон —
И никогда не разобьюсь,
Сорвавшись, сброшенный орлом.

Терпеть я буду боль свою
И не услышит никто стон.
И потому я не умру,
Хотя открытый перелом.

* * *

Умер президент России —
России первый президент.
А жизнь прожил, вроде, красиво,
Хотя носил брезент,

Когда он был прорабом
На стройке небольшой.
Питался большим крабом
И запивал водой,

Когда владел обкомом,
Как вотчиной своей.
Все было диким комом
Для Родины моей,

Когда Москву возглавил
И «убивал» людей:
Райкомы обезглавил,
Как бешеных зверей.

Когда Союз разрушил
И Кремль «захватил»,

Покой людей нарушил
И полстраны «пропил».

Когда ушел позорно,
Досрочно из Кремля,
Без зычных звуков горна,
Но в ярости огня.

* * *

Зачем я нежностью рожден?
Зачем со всеми – ласковый?
С приятным девичьим лицом,
А телом – кастовый.

Зачем волнуюсь каждый раз,
Когда меня целуют?
Не отрываю своих глаз,
Когда меня ревнуют.

Зачем страдаю я от слов
Ни ласковых, ни нежных?
Не осуществит никто отлов
Холодных звезд, звезд снежных.

Зачем от века отстою,
Когда бегу по звездам?
Я верность Богу сохраню
И не поддамся черта козням.

Зачем вновь трепетная лань
По сердцу пробежалась?
Зачем кричит мне вновь черт: встань?
Душа вновь разболталась.

Зачем я нежностью рожден
В потоке мракобесья?
Зачем развратом возбужден?
Добра и зла – разбавлен смесью.

* * *

Снежная буря терзает
Сердце мое и твое.
Только никто не узнает.
Кто тебя бьет в лицо?

Может быть, это любимый.
Может быть, это злодей,
Или ветер незримый,
Или нахал из людей.

Спрашивать я не буду:
Тайна твоя – не моя.
Но синяки, – не забуду,
Видно, уже никогда.

Хочется искренне верить,

Что не нарушен закон.
Только нельзя проверить,
Даже когда слышен стон.

То ли от боли стонала,
То ли душа больна,
Или от злости рыдала,
Лежа поперек стола.

Снежная буря смеется
Не над тобой – надо мной.
Радость уже не вернется
Талой водой голубой.

* * *

Узнайте радость неподдельную,
Внесите в жизнь мою печаль
И скиньте обувь немодельную,
Сорвите черную вуаль.

Нельзя расстроиться от взгляда,
Нельзя волнение передать,
Всем видом показать: не рада,
И всей душою все понять.

Но я от ваших глаз немею,
Волнуюсь, словно юноша,
Пунцово-красным рдею

И понимаю: очень хороша.

Но, что мне сделать в перепалке взглядов?
Как холодность величья растопить?
Не удивляться новизне нарядов
И продолжать по-прежнему любить и жить.

Дыханье леса и дыханье сада
Мне не расскажут о движенье тел.
И вижу я: береза очень рада
И тополь встречи захотел.

Природа горечь исторгает гнилью,
Траву зеленую присыпала землей
И угостила вечером ванилью
Туман над голубой волной.

* * *

Она: Голубую комнату разврата
Ты оставил только для меня,
Не хочу я к прошлому возврата,
Не люблю давно уже тебя.

Он: От души тебе я предлагаю
Голубой мечты моей жилье.
Без тебя я тяжело страдаю
И покрыто влагою лицо.

Она: Видеть хочешь ты меня рабыней,
Чтоб лежала ночью я у ног,
Чтобы мыла вместе с тетей Зиной
Твоей комнаты стальной порог.

Он: Кто тебе сказал такую глупость?
За слова его я накажу.
Никогда прощать не буду тупость
Никому, поверь мне, никому.

Она: Говоришь от сердца: мне приятно.
Говоришь хорошие слова.
Вроде, ясно и понятно.
Но тебе нет веры у меня.

Он: Голубая комната желанья:
О великом хочется мне петь.
Вечно не иссякнет обожанье.
Только на желанье ты ответь.

* * *

Любила влюбленная пара
Стоять у подножия гор.
Ждала их жестокая кара
Под толщью бетонных опор.

Но это нескоро все будет.
Все это еще впереди.

Любовь их дыханье разбудит
Великой священной любви.

И нежность, и ласка, и буря
Великих страстей до утра.
А резкое, дерзкое: «ДУРА!»
Подбросит вверх облака.

И стон сокрушительной болью
Пронзит их нагие тела.
Одежды изъедены молью.
Их образ забыт навсегда.

Но было великое, было.
И скорбь над могилой дымит.
Такое Россия забыла.
Такое Россию знобит.

И вечность, разбавив веками,
Взорвется торжественный звон,
Раздвинув бездну руками,
Посадит царицей на трон.

* * *

Снежный ураган расстроил
Волшебное море зимы.
Любовный корабль построил
Великий вождь страны.

Рождались счастливые дети:
Разносится детский смех.
Лучший на белом свете
Белый искристый снег.

Родные весенние ночи,
Любимый весенний рассвет.
Любили вождя не очень:
Держали за то ответ.

Сибирь поглотила много
Заблудших сонных душ:
Не верили глупые в Бога,
Попав в ледяной душ.

Прощенья не попросили,
Терпели удар судьбы,
Грехи не замолили
Чужие и свои.

Надежда жила недолго:
Бросали тела в поток.
Великая река Волга.
Сибирский студёный проток.

* * *

Разрушен мой чудесный дом:

Разрушена страна.
Ударил кто-то молотком:
Пробита голова.

Мой дом построен стариком:
Прадедом моей мамы.
Он был солдатом, был бойцом,
Отцом прекрасной дамы.

А дама выросла в саду
Среди цветов вульгарных,
Любила очень красоту
Парней во всем бездарных.

Влюблялась часто без причин,
Влюблялась без ума.
Немолодой – серьезный чин,
Ему и верная жена.

Сто лет прошло, разрушен дом,
Разрушена страна.
Я стал от страха дураком,
Но умная жена

Меня с постели подняла,
Отправила в поход,
Чтобы война взяла меня,
Но, не пустив в расход.

Мне грустно очень иногда
Среди лесов, полей.
И тихо мается душа:
В молчанье соловей.

Мне очень хочется любить
Просторы русские страны
И в полной мере тихо жить
Под взглядом не своей жены.

Я разбежаться не могу
И броситься в колодезь:
Себя я этим погублю,
Как резвый «коне-ходец».

Моя душа нехороша
Для разовой раскраски.
Ее не впустят небеса
Без смерти в белой маске.

Свое я тихо сохраняю
Для долгого страдания.
А не свое я подниму,
Чтобы узнать желанье.

Желанье безмятежных дней.
Большое и родное.

Для русских и других людей:
В лицо их золотое.

* * *

Огорошен словами ее.
Неожиданное движенье.
Полюбить ее нелегко.
Непонятное сожаленье.

Откровенно смотрел в глаза,
Всю жестокость понимая.
В них и лето, и зима,
И любовная злость неземная.

И готов я руку поднять
И с размаху ее ударить,
На куски ее порвать
И на углях в лесу поджарить.

Не всегда я так жесток,
Не всегда без зверских желаний.
Посажу высоко на шесток,
Поманю деревенской баней.

Я по-черному баню топлю:
Раскаленное сердце обманет.
Никогда я в бане не пью:
Это многих в парную манит.

Разберись в своих чувствах сама:
В этом деле никто не поможет.
Если осень или зима,
Сердце тайно волшебное гложет.

* * *

Одичала в лесу одна
Некрасивая голая баба.
Равнодушие и тишина:
Всеми этому очень рада.

Возле озера ждет ее волк.
Полюбила его, рыдая.
Знает в ревности волчьей толк,
Но усталости в ней, не зная.

А в лесу весь березовый ряд
Разливает березовый сок.
Не пугает зеленый наряд
Ни Приморье, ни Дальний Восток.

Только серый и белый туман
Ее душу всю ночь обнимает.
То ли правда, то ли обман.
Или радуется, или страдает.

Искупалась в студеной воде,

Застудила корявые руки,
Не пожаловалась судьбе,
Не просила о разлуке.

Одичала в лесу одна
Безобразно нагая баба.
Задымилась под ней земля
От любви горячего «гада».

* * *

Раскрылось небо голубое,
И солнце бросилось на луг.
А луга тело молодое
Не спряталось в толпе подруг.

И опаленное лучами
Иссохло кожей до старух,
С худыми синими ногами,
И под глазами черный круг.

Никто то тело не узнает,
Не прикоснутся пальцы рук.
А молодая пострадает
От старческих и странных мук.

Движенья глаз уже не стало.
Уже устала голова.
И тело горько зарыдало.

Упала рваная трава.

Никто не знает на планете —

Название ее — Земля.

Кто за старение в ответе?

Уходит, почему вода?

Еще ответа не услышал

И тайну эту не раскрыл,

Я на дорогу ночью вышел.

Я черта черного убил.

* * *

Волнение юности проходит,

Серьезность разума растет,

А старость где-то тихо бродит,

И смерть ее в засаде ждет.

Пока еще мы молодые

И все случится впереди.

И вставим зубы золотые,

И отречемся от любви.

Пока еще мы не поняли,

Что нас давно ограбили,

Что Родину у нас отняли,

Наполнив душу «жабами».

И холодеет наша кровь,
И мерзнут наши руки.
Гноим чужую мы любовь
И требуем разлуки.

Волнение юности прошло,
И огрубели души.
И расстаемся мы легко
С водой морской и сушей.

Что остается за душой?
Где вечное, святое?
Где жизни ключик золотой
И что-то дорогое?

* * *

Коленки острые поймал
Мой взгляд спокойный, равнодушный.
В вагоне я один не спал.
Вагон вонючий, душный.

Зачем смотрю на белизну
Чужого тела и молчу?
Познать мне трудно глубину
Всех мыслей по сонному лицу.

Вагон то движется, то вдруг
Объявят остановку.

И встрепаются все вокруг
От сна, подняв головку.

Мне интересно посмотреть
На резкое движенье
И от сомненья одуреть,
И потерять терпенье.

Но заболела голова:
Ее долбит бессонница.
А мимо дикие леса,
Деревьев голых конница.

Коленки острые раздвинь
Девчонка незнакомая.
Небрежно ты одежды скинь,
Девчонка невесомая.

* * *

Зачем ты, гордая, ушла
Из сердца невлюбленного,
Его страданья забрала,
Годами убеленного?

Насколько жизнь ему продлив,
Себе укоротила.
И вспять пойдет морской прилив,
И зарастет могила.

Зачем ты, смелая, ушла
Из сердца сумасшедшего,
Его весь разум забрала
Для солнца не взошедшего?

А солнце разум иссушит
И выбросит над морем.
А море разум сокрушит
И насладится горем.

Зачем ты, глупая, ушла
Из сердца полюбившего?
Ты красотой его взяла,
Не дав блаженства высшего.

Ты обманула, ты врала,
Постелью совратила,
С лица всю кожу содрала,
В изгоя превратила.

* * *

Несчастье с шумом ворвалось
В волшебное создание.
И много звуков собралось
На палубе прощания.

Корабль тихо отойдет

От древнего причала,
Потом движение разовьет,
Чтоб всех вновь укачало.

На берегу громада гор
Отстанет до обиды.
А корабельный сводный хор
Продолжит звуком виды.

Прекрасен хора мощный звук:
Дыхание родное.
И сотни сильных смуглых рук
Готовы на большое.

Презрение огненных стволов
В карманах беспредела.
И голосов открытых ртов
Желанного раздела.

Стучат моторов «молотки»,
Стабильное движение.
А на корме стоят лотки
Не горького мгновенья.

* * *

Люблю я голоса надрыв
И звуков удаление.
Но не люблю я мин подрыв:

Жестокое мгновенье.

Вразнос идет моя судьба,
И тело вновь без крови.
Моя рука, моя нога,
И подпалены брови.

А в голове какой-то шум
И дикое звучанье.
А мысли, вроде бы, без дум
И сердце без рыданья.

И вновь качается земля,
Уходит в преисподнюю.
Держаться трудно за меня,
Спасаться тоже поздно.

Зачем родился, зачем жил
На белом этом свете?
Что не ценил, чем дорожил,
За что не был в ответе?

Таков итог моей судьбы —
Других путей начало.
Звучанье нудное пчелы
И смерти адской жало.

Зреет месть, зреют дерзкие мысли.
Искрой месть поджигает костры.
За работу взялись они вместе.
Всегда рядом, словно в любви.

И достигли они вершины,
Разрубили царскую нить.
И в болоте тела невинных
В неизвестности будут гнить.

И кровавая месть совершилась:
Незнакомая кровная месть.
И от радости сердце забилося,
Принесли им, когда эту весть.

Но недолго, совсем недолго
Наслаждаться любовью, двоим.
Смерть пришла за остатком долга,
О котором известно лишь им.

Лежит мумия, как живая,
Похоронена тихо жена.
А Россия вновь молодая,
Вновь разграблена, вновь больна.

Не хочу я, чтоб вновь в России
Пролилась невинная кровь,
Чтоб погибшие попросили
Мстить невинным вновь и вновь.

* * *

А характером Петр: буйный.
Правил он довольно жестко:
Льется кровь, и летят головы.
Льется кровь, ложатся стрельцы.

Смело принял он на грудь Державу
И величье славы возвратил.
Только трудно истребить отраву
Хитрецов и воротил.

Много роскоши и лоска,
И надменные пажи.
Вроде, просто, но и броско
Поднимали на ножи.

Но осталась великая слава
И великое горе в веках.
А великая личная драма
Была тайной в великих штанах.

Гибкий, стройный, молодой, красивый
Полюбил Катюшу горячо.
Иногда жестокий и ревнивый
Мог ударить грубостью в лицо.

А Россия Петра не забудет.

По-Петровске Россия живет.
Силу русскую в людях разбудит,
Счастье райское возведет.

* * *

Наивные люди
Надеждой живут.
Наивные люди
Счастье ждут.

Поднимется солнце,
И счастье придет.
Опустится солнце,
И горе заснет.

А ночью вновь радость.
А ночью любовь.
Волшебная слабость.
Горячая кровь.

Горячее тело
И трепет сердец.
И звездное небо,
И месяц-отец.

А лунная мама
Ушла погулять.
Небесная драма:

Надо рожать.

Наивные люди
Торжественно ждут.
Родился лунатик.
Луной назовут.

* * *

Смешная золотая осень
И грубость стоящих тополей.
Тепла еще чуть-чуть попросим:
Нам пальцы тонкие согрей.

Хотя лицо мое пылает:
Бордово-красные цветы.
А ветер куст большой качает:
За ним лежишь нагою ты.

Мне не понять все откровенье,
Твоих поступков не понять.
А дико страстное движенье
Не разрешит мне вновь сбежать.

От чистых помыслов любовных
И от великой красоты,
И от обид всегда бескровных,
И кровью политой травы.

Наверно, я еще не вырос.
Наверно, я еще росток,
Который что-то в лесу вынес,
А лес по-прежнему жесток.

Смешная осень золотая
И беспредел всех тополей.
А ты такая молодая
На фоне голубых полей.

* * *

Утром однажды я не проснулся.
Что тогда вдруг началось?
Зять мой с работы сразу вернулся:
Время для спора нашлось.

Зять мой, другой, Камчатку покинул:
Рейсом ближайшим в Москву.
Простынь кто-то мгновенно скинул.
Кто-то бесстрашно бил по лицу.

Но просыпаться, сразу не стоит:
Надо внимательно все осмотреть.
Чье-то величье, чьи-то покои,
Душу чью-то согреть.

Я в бесконечный туннель не посмею
Душу свою втолкнуть.

Может быть, сразу о том пожалею
И захочу обратно вернуть.

Грохот страдания и визг бытия,
Тихая вечная радость
Манят куда-то не только меня.
Видно, у каждого слабость.

К вечному тихо прижаться лицом,
Душу из тела прогнать,
Став ни святым, а подлецом,
И наказание ждать.

* * *

Мне казалось, что ты бесшабашная,
Что дерзить – твоё ремесло,
Что трава на поляне скошенная
Не украсит твоё лицо.

Не зеленая ты, не зеленая,
Разноцветная красота.
Незавидная роль, отведенная,
Никогда не слушала тебя.

С детских лет твоя смелость дробленая
Удивляла подруг и ребят.
И волна морская, соленая,
И хрустальный цветистый град.

Разбивались о берег отчаянно
Миллионы радостных брызг.
Трогал ветер, как бы нечаянно,
Твое тело, пьянея вдрызг.

Раздевалась открыто, таинственно,
И шокировала красота,
И бросалась в воду воинственно:
Уходило тело до дна.

Не боялась ты Черного моря.
Не боялось море тебя.
После каждого прибоя
Наступала тишина.

* * *

Развратом полный поцелуй
Я не забуду никогда.
Меня раздела ты, разуй
И страстно обними меня.

И пусть завянут от стыда
Кругом растущие цветы,
Вспотеет черная земля
От бури чувств любви.

Я честь твою не сохраняю:

Невинность сразу заберу.
Хотя на это ты не шла
Ни с кем и никогда.

И бесполезно волос рвать,
И от бессилия рыдать.
Любовь развратная уйдет,
Как белый в море пароход.

Начнется женская любовь
С началом бурным и концом.
А вся дурная в теле кровь
Испита будет подлецом,

Который душу развратил,
Оставив тело на потом.
Язык твой ласковый – актив,
Всегда хранимый влажным ртом.

* * *

Царица бесшабашная в любви,
Но гордая и сильная на троне,
Взрывает криком холод тишины,
Сдается сразу в обороне.

Рабом становится барон.
Солдат же – генералом.
Работать лихо может ртом,

Не брезгует нахалом.

Любовь ее, как целина,
Как бурное начало.
Любовью города брала
И войско восхищала.

Любила страстно, до конца
Российского престола,
До крика дикого глупца,
До криков диких хора.

В любви Россию не сдала
В порыве наслаждений,
Все без остатка отдала
На благо возрождений.

Царица ненасытная в любви,
Но гордость не теряла.
Нерусская, но русская в любви,
Как русская страдала.

* * *

Культияпый «хрен» дорвался до страны,
Разрушил удивительный Союз,
Услышав шепот сатаны,
С России сбросил Крыма груз.

Культияпый предал русскую мечту:
В родное лоно возвратиться Крыму.
Ударил словом резко по лицу.
Наверно, думал, что от слов остыну.

Когда кромсали Родину мою,
Культияпый совершил измену:
Обратно Крым в Россию не возьму,
Как не возьму солдат из плена.

Культияпый гордость русскую отдал
И славу Севастополя предал.
Политый кровью, русскою, причал,
Скорбя мучительно, рыдал.

А черноморский голубой прибой
Ласкал волнение голубой волной.
Когда-то здесь жестокий бой
Потребовал расстаться с головой.

Я не увижу больше рваных губ.
И пьяных глаз я больше не увижу.
Душа его ушла, а сердца стук
Сканировать нельзя, поэтому я крыжу.

* * *

Вечернее платье надела
И все позабыла совсем,

Отдаться танцу хотела,
Себя, предлагая всем.

А музыка требует строго
Держать себя в сильных руках.
И, кажется, вечность до гроба,
А радость в диких кустах.

И, кажется, надо немного
До счастья еще подождать.
И кончится горя дорога:
Не нужен к нему возврат.

А музыка круче и круче,
И кружится голова.
И белые, черные тучи
Уйдут от тебя навсегда.

И чистое синее небо,
И яркое солнце в глаза,
И страсти соленое кредо
Охватит навечно тебя.

Вечернее платье сидело
На острых плечах хорошо.
От счастья лицо посветлело:
Танцуется, вроде, легко.

Человек, не достоин ты смерти:
Ты за косы женщин таскал.
Человеку люди не верьте.
Человек, ты подлец и нахал.

Столько лет прогибался под властью,
Что-то мерзкое лихо «лизал».
С непривычной бушующей страстью
О себе всему миру кричал.

Что ж, ты сделал в годину презренья?
Когда жизнь – это только дерьмо.
А пустое твое вдохновенье —
Вновь надутое страхом лицо.

Что-то скажешь, а руки трясутся.
Как бы власть не сказала: в тюрьму.
Или темные силы возьмутся
И поймают тебя на лету.

Словно клоун, трибуну мусолишь,
И в Индийский плюешь океан,
Свою речь неприлично ты солишь,
Либерал и большой хулиган.

Человек, ты русских защитник,
Ты России священной позор.
Человек, ты опасный хищник.

Ты стихия взорвавшихся гор.

* * *

Шло тихо время пьяного «царя».
Назначен был приемник молодой.
Разрушена Россия и пуста казна
И надо думать головой

О русской доблести и славе
Напоминал ему народ,
Чтобы о нем что-то узнали
И не смотрели прямо в рот.

Чтобы работал на пределе,
Не знал покоя никогда,
Не думал он о переделе
Чужого русского добра.

И будут радостные лица,
И будет блеск в людских глазах.
А синяя его жар-птица
Пройдется тихо по полям.

И будет счастье у России,
И будет счастье у людей.
А мир чудесный и красивый
Не для зверей, не для зверей.

Лежит по-тихому «царь» пьяный,
Навечно в землю тихо лег.
Его приемник – он упрямый —
Создать пытается свой стог.

* * *

Мой отец – герой Варшавы,
А во Львове пострадал:
От бандеровской шалавы
Получил в живот «запал».

Вроде, доброе желанье
Повидаться с молодой
После долгого старанья
Сделать девушку женой.

А она, лихая стерва,
В лес зеленый позвала,
Разрядила Вальтер первой,
Пистолет отца взяла.

Не пришел отец в деревню,
Как положено бойцу.
Целый год в кровати скверной
Швы меняли животу.

Пролечился миг Победы,
Отлежал свои бока,

Много горького отведал,
А колола медсестра.

А вернулся в дом отцовский
Не один, как все, с женой.
Он трофей привез бойцовский
Через год – другой весной.

* * *

Открывается равнина.
Проявляется простор.
По дороге идет Нина:
Вновь заглох мотор.

Вдоль дороги то березы,
То роскошные дубы,
То разбросанные розы
Или хмурые грибы.

Солнце жаркое канючит
У земли воды нектар.
Воздух терпкий и вонючий:
Старых листьев прелый дар.

Даль далекая не манит,
А от глаз все вдаль бежит,
Сердце дерзкое не ранит
Застудившийся родник.

Веселиться не хотелось
Ветру склочному с утра.
Что-то в жизни завертелось,
Закружилась голова.

Проходили злые мысли.
Доброта вошла в покой.
На дорогу тоже вышли
Чудаки – играть в разбой.

* * *

А в апреле, вроде, жарко.
Только солнце снова лжет.
Мороз грянет и фиалка
Лепестки свои сожжет.

Обманулась жертва пая:
Раньше срока родилась.
Не дождавшись конца мая,
В рай невинной собралась.

Очень жаль, что так случилось,
Что на злобу нарвалась.
Небо грозное спустилось:
Зима злобе продалась.

Плачут тихие березы,

Плачет хор осин в лесу.
Воскресить не смогут слезы
Ярко цветной красоту.

Мимо грустного рыдания,
Мимо смерти на ветру
Без бессмертного желанья
Пройти, видно, не смогу.

Встану скромно у фиалке.
Слезы струйкой по лицу.
Нет пока подружек стайки.
Их рожденья подожду.

* * *

Ты отмучился недавно.
Ты свой путь прошел уже,
Похоронен тихо, тайно,
Успокоился в земле.

А враги твои хотели
Твое тело растерзать,
Как вороны, налетели,
Стали дерзости кричать.

Обступили гроб дубовый:
Крышку гроба не сорвать.
Гроб добротный, вроде, новый:

Трудно гвозди вынимать.

Разрубили крышку гроба.
Крышку гроба пополам.
Закипела дико злоба.
Пятна страха по рукам.

Гроб пустым вдруг оказался,
В него тело не вошло.
Никто, вроде, не сознался.
Куда тело убрело?

Тайным было погребенье.
О могиле знает кто?
Не придет твое забвенье:
Забыть горе нелегко.

* * *

Не воскресить былое величье.
Не вернется Держава моя.
Негодяи в овечьем обличье
Осиротили тебя и меня.

Раздробили великое поле,
Насаждали смердящих «царьков»
И раздали бесплатное горе,
Наломав много горьких дров.

Ни тебя, ни меня не спросили:
А хотим мы «раздрая» в стране?
Только в душу и в сердце били
И закапывали в земле.

Разрушенье коснулось величья,
Грубость брошена прямо в лицо.
Нарушая простое приличье,
Поднялось на поверхность «дерьмо».

Все, что скрыто от глаз в подсознание,
Все, что спрятано хорошо,
Получило теперь признание
И покинуло грязное дно.

Где наивность, невинность девичья?
Где моральная чистота,
Человеческие приличья,
Человеческие слова?

* * *

Взорвалось вновь мое недовольство.
Взорвалась моя лихо душа.
В жизни стало очень скользко:
Под ногами горит земля.

Я не чувствую опоры.
Я не чувствую солнца тепла.

Постоянно тревожат боли
И слезятся мои глаза.

Как могло такое случиться?
Почему произошло?
Не успел в тебя влюбиться
И забыл твое лицо.

А минуты увлечения
Превратились лишь в часы.
Незабытое мгновенье —
Час роскошного в любви.

Стонут руки, стонут ноги,
Стонет сердце без причин.
Рвутся косы недотроги.
Вижу это я один.

Взорвались земные мысли.
Взорвались мои друзья.
Видно, все мы рано вышли
Из домашнего тепла.

* * *

Королем я не родился.
Королем я тупо стал.
Перед миром извинился,
Что от власти я устал.

Королева не согрела
И не ранила меня.
Нянька смелая раздела
И по-тихому ушла.

Долго ждал я королеву,
В ожидание уснул.
Сам ее я не раздену,
Потому что утонул.

Утонул в своей печали,
Опустился ниже дна.
И русалки развлекали,
Развлекали лишь меня.

Безобразны куртизанки,
Безобразная любовь,
Но красивы партизанки,
Когда бродит у них кровь.

Королем я, вроде, умер.
Умер, вроде, в мире сна.
Возвратится власти «шулер»
Бумерангом на тебя.

* * *

Где наивная Матрена?

Где невинная жена?
Не нашел в лесу патрона,
Чтобы выстрелить в себя.

Чтобы плакали матрешки,
Чтоб рыдала и жена,
Тихо скинулись по трешке
На бутылку коньяка.

Я давно уже немолод.
Старикашка я хромой:
Беспокоит меня холод
И скандал с родной женой.

Сколько лет еще осталось
Подниматься по утрам?
Красота со мной рассталась:
Не дается старикам.

Тихий вечер, солнце светит:
Холодны его лучи.
За меня оно ответит
На краю родной земли.

Где ты, тихая Матрена?
Где твой шепот молодой?
Я не слышу больше стона,
Не люблюсь красотой.

Я грешить всегда желаю,
Обожаю почудить,
Бесконечности не знаю,
Но хочу всегда шутить.

С шуткой мне легко живется,
Веселится вся душа.
Незнакомка улыбнется
И посмотрит на меня.

Только это не смущает:
Не зеленые глаза.
Пусть она меня не знает,
Но ее узнаю я.

Роскошь – дикое веселье.
Роскошь – не простой покой.
Нероскошное мгновенье
Увлекается тобой.

Только я грешить не буду:
В этом месяце нельзя.
Отчего-то позабуду:
Почему любовь грешна.

Развлекаются девчонки:
Беззаботные года.

Оторвали собачонке
Пол хвоста.

* * *

Зачем вор во власть приходит?
Чтобы тихо воровать.
Что-то теплое находит
И пристроится сосать.

Хорошо бы в кабинете
Офис фирмы поместить.
Он за фирму не в ответе:
Надо должность полюбить.

Взятки сыпятся из рога,
И откаты не шумят.
Проходимцы у порога
Все на корточках сидят.

Хорошо идет работа
От начала до конца.
А у вора лишь забота:
Не показывать лица.

Чтобы знали только должность,
Ставки знали хорошо,
Видели, какая сложность:
Делать дело нелегко.

Вор потоки направляет
И команды отдает,
Честный труд не призирает,
Но берет, берет, берет.

* * *

Что ж, ты, сука, наделала:
Возвратила любовь.
Ты, такая вновь смелая,
Показала мне кровь.

У меня, вроде, первая.
У тебя я второй.
Вроде, ты и не нервная,
Но с больной головой.

Притворилась ты девочкой
И невинность на стол.
Притворилась ты «семечкой».
Разберись-ка, чей пол?

Наказаньем не мучился:
Парень первый не твой.
Мы любить долго учимся
И весной, и зимой.

Кто-то летом обучится

На поляне лесной.
Кто-то осенью ссучится
Под водой дождевой.

Только ты не отважилась
Обмануть вновь меня,
Потому в меня вмазалась
В конце ночи – но вся.

* * *

Горят в костре, но не дрова
Сухие – первый сорт.
Горят в костре людей тела:
Оконченный аккорд.

Какой подлец сложил костер?
Нарушил он закон.
Он на слова всегда остер,
Как колокольный звон.

Чужие жизни отобрал,
Свою же сохранил
И закатил такой скандал,
Что голос застудил.

Шептать не может,
Говорить, наверно, вряд ли будет.
А возмущаться, вроде, тоже

Навечно позабудет.

Спасайте души тех людей:
В огне они повинны.
Не будут жить в семье зверей:
Законны и невинны.

Потухнуть должен тот костер:
Тела уже сгорели.
Но начинается вновь спор:
Другие подспели.

* * *

Трудиться в поле – не любить
И не рубить дрова.
Наверно, трудно в лесу жить,
Когда горит трава.

Когда дышать уже нельзя,
Но в горле не першит.
И, может быть, спасет вода,
А вечер захрипит.

На дно реки взойдет луна,
Русалок соберет.
А звезды скажут, что друзья
Не смотрят луне в рот.

Трудиться в поле – адский труд.
Любовная интрига.
Мотыги острые упрут:
Их скупит город Рига.

Мне тоже трудно полюбить
Все сельские забавы
И рожь хваленую растить,
На вилах носить травы.

Хотя люблю я обнимать
Девчонок деревенских
И горячо их целовать,
Причуд, не видя, женских.

* * *

Зелень мир спасает мой
В тесноте словесной.
Не враждуют меж собой
На скале отвесной.

Если ступишь невпопад,
Полетишь на камни.
И начнется камнепад.
Закрывайте ставни.

Если силу применить,
То скала ответит.

Ей невмочь спокойно жить,
В лоб тебе засветит.

Вновь удары, вновь слеза,
Вновь здесь непонятки.
Сорвались вновь тормоза.
Доигрались в прятки.

Ты шмыгнешь в какой-то лес,
Шляпу потеряешь.
А меня вчерашний бес
Вновь спросил: Стреляешь?

Что ответить, как мне быть?
Черные глазницы.
Чтобы честно мне пожить,
Надо менять лица.

* * *

Что ж, ты наделала, сука?
Лихо любовь пропила.
Сбросила верность разлука
В пьяном угаре вина.

Страсть одержимая душу
В дымку разврата ввела,
Смачно, как спелую грушу,
Страсти отросток брала.

Стыд, как ненужное бремя,
Вбросила в мутную даль,
Чтобы ушедшее время
Не уронило печаль.

Чтобы не мучила совесть,
Чтобы похмелье прошло,
Чтобы не тронула робость
Брачное кольцо.

Честь молодого супруга
Втоптана в грязную блажь.
Ложе сиденья упруго,
Крепок стальной гараж.

Требует нового тело:
Труп в гараже налицо.
А уголовное дело
Было закрыто давно.

* * *

Монотонно дождь стучит
По красивому мертвому телу.
Рядом юноша стоит
Не лицо по уголовному делу.

Здесь свидание должно

Состояться на рассвете,
Как когда-то, но давно
Собирались кучкой дети.

Среди них и наш герой,
И красивая девчонка
С туго стянутой косой
Щебетала очень громко.

Веселились от души:
Счастье детство обещало.
Весной ночи хороши,
Но луна всю ночь рыдала.

Видно, знала, что потом
Грянет скорби дикий гром,
Будет горе под дождем
С озверевшим в край лицом.

А сегодня и сейчас
Моноotonно дождь стучит.
И понять пока нельзя,
Что же юноша молчит.

* * *

Положила колдунья на смерть
Глаз большого горя бессмертья.
И цыганская вновь круговерть

Поддается обману бессмертья.

Сожжены все ржаные поля,
И сгорела дубовая роща,
И засохли родные луга,
Реки стали намного проще.

Солнце, словно огненный шар,
Набирает веков обороты.
А цыганский предвиденья дар
Разгоняет колдуний роты.

Получила девчонкой клеймо
И надолго забыла ту фразу,
Чтобы в старости влезть в дерьмо,
Подцепив презренья заразу.

Трудно будет вернуться вновь в жизнь
Безмятежного дивного счастья.
Лишь безумьем полна твоя жизнь:
Круглосуточно только ненастье.

Ты надень на себя два креста,
И защита Бога наступит.
А лесная в лесу тишина
Для тебя счастье новое купит.

Негромко скажешь ты слова,
Слова большого горя,
И вновь посмотришь на меня,
Как смотрит только Боря.

России первый президент
И пьяница, и бабник.
Ловите миг, поймав момент,
Закройте лихо жабник.

А жабы сытые легли
У ног борьбы великой.
Кого вы к власти привели
В толпе порочной, дикой?

Гремели трубы, глуша стон,
Насилием порока.
И выходили на балкон
Людишки злого рока.

Под крики радостной «шпаны»
Ломали все устои.
Россию рвали на куски
И не давали сбоя.

Кормушка сытость придала
Печальному разбою
И честь, и совесть убрала
По новому покрою.

* * *

Отомстили дворяне рабам:
Столько лет свою злобу копили.
Демократию, дав дуракам,
Все советское в них убили.

Что имели, смогли оценить
Только после большого развала.
Продолжают дворяне дурить:
Видно, крови пока еще мало.

Много страха в глазах дураков,
Обнажаются черные души.
Позабыли святых и отцов
И на море, и на суши.

Сколько будет дворянская кровь
Бесноваться над грудой металла?
Уваженье где, где любовь,
Где сегодня поющая Алла?

Позабыли святых, матерей
И бывшие большие победы.
В страхе тихом рожают детей,
Ждут покорно новые беды.

Много бед на русской земле:

Ополчился весь мир на Россию.
Не готова Россия к борьбе.
Только силой не взять Россию.

* * *

Подохла кошка Брежнева.
И умер президент.
Рыдаю я по-прежнему,
Но не срываю лент.

Он был в России первая
И сволочная дрянь.
Гордыня в нем безмерная,
Бессовестная пьянь.

Россию мы прохрюкали,
Профукали страну.
В постели не застукали
Горластого жену.

Разграбили и схапали
Российские слова.
Играли с детьми малыми,
Хотя с детьми нельзя.

Сквозная проституция:
Дорогу молодым.
России Конституция,

Как серый блудный дым.

Живите безрассудные
Пока не тронут вас.
Наступят деньки судные
Придет рабочий класс.

* * *

Первое «дерьмо» России
На поверхность поднялось,
По-хорошему красиво
За развал страны взялось.

Одинокие туземцы,
Отщепенцы, подлецы.
И без чести иноземцы
Демократий кузницы.

Я не верю в дикий запад.
Я не верю в русский дух.
На мозги чужие капал
Холод бешеный разрух.

Кто бежал тогда на запад?
Из России – на восток?
По России тихо драпал,
Наводил на Русь мосток.

Как невинная мадонна,
Как неверная жена,
Все без ропота и стона,
Все покинули меня.

Догола меня раздели,
Но оставили в штанах.
Что-то, видно, захотели
Поддержать в своих руках.

* * *

Сколько крови, сколько стонов
Земля русская взяла.
Перевернутых поддонов
Испугаться не смогла.

А в поддонах всегда пусто,
А над ними тишина.
Все замешено негусто:
Все разбавила вода.

Лед на склонах бесхребетных
Удержался на века.
А теплом лучей бесцветных
Растопить его нельзя.

Случай буйного позора
Остается навсегда.

А морозного узора
Не увижу никогда.

Танцевал я на морозе:
Три притопа, два – присест.
Не скажу чужой я розе,
Что на теле ее крест.

Сохранятся капли крови
В замороженной земле.
Не достоин лучшей доли
Я, как ты, и мы, как все.

* * *

Не грустите о юности нашей,
Когда было все ясно, как днем.
А питались туристов кашей,
И веселыми были лицом.

Когда все по плечу: даже горы
На коленях стояли с утра,
Чтобы наши большие споры
При подъеме решить нельзя.

Потому что крутые подъемы
Не давали в пути говорить.
А глубоких щелей изломы
Заставляли красиво жить.

Ярко солнце тогда улыбалось:
Не хотело сберечь лучи.
И тогда нам всем казалось,
Что все стонет от любви.

Лунный вечер всю грусть разгонит,
И притихнет тишина.
Возле дуба береза стонет,
И под ними вздыхает земля.

Не грустите печальные люди:
Жизнь прекрасна и коротка.
Не грустите веселые люди:
Уберет грусть улыбку с лица.

* * *

Видно, женщина ночью устала:
В электричке закрыла глаза.
Видно, страсть врасплох застала.
Видно, ночью не спала.

Утомленные синие губы:
Видно, жарок был поцелуй.
А красивые белые зубы —
Откровенно: не балуй.

Не балуй наблюдательный парень

И улыбку ехидно не прячь.
Этой женщины страстная гавань
Не твоя, никогда не твоя.

Не балуй раздраженная дама.
Тебе радость ее не понять.
Ей досталась чудесная драма,
Но тебе ее трудно узнать.

Не балуй без причины старушка:
Видно, страсть тебя раньше брала.
И большая в ладони игрушка
И пугала тебя, и звала.

Не балуй сладострастный мужчина:
Твои годы пока не ушли.
Только ждет тебя где-то причина
Возбужденья последней любви.

* * *

Возбуждение приходит нечасто:
Стариковская блажь в голове.
А когда кровь взбунтуется властно,
Все красавицы лезут ко мне.

Почему наслаждение глазами
Недостаточно даже во сне?
И мне хочется трогать руками

Всех красавиц на этой земле.

Почему обнаженные груди
Поднимают мой дух боевой?
И тогда ночь прекрасною будет,
Заниматься легко строевой.

Почему шелковистая кожа
Обнажает все мысли мои.
А жестокого облака «рожа»
Почему-то читает стихи.

Только эти стихи не о славе,
Не талантом сияют слова.
А в зеленой душистой дубраве
Раздевает меня сатана.

Возбуждение приходит нечасто:
Но, однако, приходит оно.
Обнимая, целую страстно
И не только губы – лицо.

* * *

Не утрусь раздраженно словами:
Раздраженным я в лес не пойду
И не буду топить дровами
Остывающую тишину.

Тишина хороша для покоя,
Для хорошего чистого дня,
Чтобы не было в поле разбоя,
Не гуляла, чтобы жена.

Вечерами печалью укроюсь,
Наблюдая звезд хоровод,
И холодной росой умоюсь,
И продумаю тихий развод.

Чтобы не было больше тревоги,
Чтобы не было злобы и лжи,
Чтоб не знать мне любовников новых
И не чувствовать страстной любви.

Когда рядом любимое тело
Безразлично к ласкам моим,
Мне так хочется, чтобы запело
Твое сердце вместе с моим.

Чтобы души наши скрестились
И влетели в смердящий ад,
Или возле рая простились,
Потому что нет хода назад.

* * *

Угнетенная страстным желаньем
Безраздельно мне отдалась,

Возбужденная тихим признанием
Извращенью со мной предалась.

Откровенные ласки желала,
В откровенье всем телом страдала
И от радости дико кричала,
И себя в презренье бросала.

Сигаретного дыма волненье
Заполняет пространство меж тел,
Но запомнится только мгновенье,
Когда вышел из тьмы беспредел.

Огорошено время позором,
И ступени спускаются в ад.
Ты безумным окинула взором
Королевский мой наряд.

Замордован жестокой рукою:
Искалечен душевный покой.
Ты просила прощенье молодого,
Потому что владела собой.

Я не знаю прикола земного.
Я не знаю счастливых минут.
И поэтому скоро простого
Меня просто разведут.

Не удался сегодняшний вечер:
Ты в разврат погрузила меня.
Я ни Богом когда-то отмечен,
А кастетом рукой полдеца.

Шрам торжественно душу малует,
Сердца кровь запечатав в конверт.
По ночам иногда он лютует
И не знает предела и мер.

Я жестокость его понимаю,
Чувство меры мой разум узнал.
Его правила вновь принимаю,
Уходя в свой спортивный зал.

Бью ладонью печаль откровенья,
А ребром я покой пронзал.
Не люблю я чужое мгновенье,
А свое я когда-то предал.

Затянулась сердечная рана,
И оттаяла вновь душа.
Но жива вечно злостная драма,
Когда любят только себя.

Эгоизм твой меня покоряет:
Я целую по рабски тебя.
А любовная связь угнетает

Только днем, с начала дня.

* * *

Солнце – мое вдохновенье.
Солнце – радость моя.
Остановлю я лучей мгновенье,
И загорится земля.

Солнце – волшебное счастье.
Солнце – любовь твоя.
Душ внеземных всевластье
И голубая вода.

В крике твоём утопаю,
В злобе купаюсь с утра,
В солнечный день рыдаю.
Видно, рыдаю зря.

Солнце – вселенное чудо.
Солнце – огненный шар.
Видно, убит я буду:
Не удержу удар.

Солнце поднимется рано.
Солнце – трагичен заход.
Алая красная рана
И кровавой восход.

Я ожидаю с востока
Яростные лучи:
Яростного потока
Не удержать вне земли.

* * *

Вот и кончился год откровений:
Бесполезны слова о любви.
Между нами одно презренье
И жестокость, и злобные дни

Сколько было упреков, обиды.
Сколько было конфликтных минут.
И разврата покорного вида,
Глупой ревности жесткий кнут.

А удары шальные для тела —
Ни удары, а ласковый звук.
Видно, очень ты захотела
Избежать любовных разлук.

И разлуки, и ревность – все было.
И жестокие пытки для тел.
Только это все тело забыло.
Только этого я не хотел.

Ты хотела насилья и порки.
Ты хотела до крови битья,

Прикрывая ресниц своих створки,
Закрывала от страха глаза.

Я хотел только тихого рая.
Я хотел безупречного дня.
Я хотел, чтобы ночью, лаская,
Обожала ты только меня.

* * *

Зарубили чету молодую.
Расчленили любовный союз.
Не встречать свадьбу им золотую,
Не тянуть многолетний груз.

Только нелюди так поступают:
Кровь чужую, как воду прольют.
Только нелюди не рыдают,
Когда чью-то жизнь берут.

Я не помню такого злодейства:
Тихий город и тихая жизнь.
А сегодня такое действо:
Молодой четы грохнули жизнь.

Грустно плачет береза родная.
Грустно плачет осина в лесу.
Холодеет чета молодая,
Смерть уносит ее красоту.

Родниковая влага – ни влага,
А земли одинокой слеза.
И любовного плача отвага.
И печального неба звезда.

Ночь следы преступления не скрывает:
До утра все следы сберегла.
А волчица всю ночь что-то выла,
И стонала от крови луна.

* * *

Горечь душу мне тихо тревожит.
День до сердца тревогу донес.
Тьма небесная тело гложет.
И желанья входят в разнос.

Утомленные мысли страдают,
Безысходность их надвое рвет.
А глаза сухие рыдают:
Слезы горькие молодость ждет.

А душа, как тревожное небо,
Очищает звезд красоту
И вдыхает запах хлеба,
И волнением по лицу.

Сердце тоже тревожно страдает,

Горечь ночи чужую вобрав.
Только сердце пока не знает:
Приближается медленно крах.

Разрушение, великое горе
И судьба раскрывается вновь.
А соленое Черное море
Возбуждает в старухе любовь.

Озверело разбитое тело,
И морщины сошлись, как в бою.
Видно, смерть рассмешить захотела,
Старика увидав на краю.

* * *

А зеленое поле взбесилось,
Оскорбило желаньем траву.
Видно, плохо трава молилась.
Видно, гнить начала на корню.

Обожаю зеленое поле,
Обожаю свежесть травы.
А прошедшее мимо горе
Не задело глаза мои.

Сохранил я соленые слезы
Для великих и мелких обид,
Чтобы вновь желанной березы

Изумительный вспомнить вид.

Возродись моя серая сказка.
Моя жизнь из сказки вернись.
Чтоб любимой нежные ласки
Не стеснялись – отвернись.

Отвернись, и закроются глазки,
И рассеется тихо туман.
Будут скинуты женские маски,
И раскроется чей-то обман.

Успокоилось нежное поле,
Но не вылечится трава.
А прошедшее мимо горе
Не задело меня и тебя.

* * *

Возле озера не росла
Почему-то давно трава.
А песчаная земля
Откровением груба.

Умываться я бреду
Только к озеру с утра,
Смою горстями беду
С изможденного лица.

Родниковая вода
Обжигает часть лица.
Отойду я ото сна
И протру свои глаза.

Будет день совсем хорош,
Будет вечер, будет ночь.
Будет нежность, будет дрожь,
Будет сын и будет дочь.

Будет здесь чей-то жених
Тихо речи говорить.
Не оставлю их одних
В этом мире жить.

А невеста шагнет в рай.
Ее в озере поймай,
Чтобы в озере вода
Была честно холодна.

* * *

Горы стонут и поют
О заснеженной мечте.
Воду горную солят
По моей судьбе.

Один в горы не пойду:
Страшно очень одному.

Друга в горы я возьму,
Чтобы слушать тишину.

Гробовая тишина.
Но холодная вода
Остудила лишь меня:
Друга не взяла.

Солнце снегу отдает
Свои яркие лучи.
Под лучами снег не ждет
Замороженной любви.

Ночь – смертельная тоска
И холодные снега.
Одинокая звезда
Не простит меня.

Утром солнечный восход
И багровая заря,
И крутой лавины сход —
Смерть невинная моя.

* * *

Сорвалась давно с узды
Мужа верная жена.
Стало ей не до любви,
Стала к мужу холодна.

А весна давно прошла.
Уже лето знойное.
Мужа верная жена
От любви не вольная.

Лето знойное прошло.
Уже осень скромная.
Листьев на земле полно.
Лужа воды полная.

Осень скромная прошла.
Вновь зима холодная.
И глубокие снега.
Жизнь пришла голодная.

Травы нет и листьев нет.
Только белый снег кругом.
Муж получит храп в ответ:
Спит жена с открытым ртом.

Муж печален, муж грустит,
От жены любви не ждет.
А судьба пока молчит.
У судьбы закрытый рот.

* * *

Солнечный шар взорвался:

Выброшены лучи.
Пушкин за грош продан
Ради святой любви.

Где-то еще надежды.
Где-то еще слова.
Вышли на берег невежды.
Крутые берега.

Рухнет вдруг берег левый.
Правый пока стоит.
Парень, который смелый,
От страха замолчит.

Рухнет и берег правый,
Смелого не сомнет.
Вечно солдатик бравый
В сторону не уйдет.

Водные вновь преграды
Взвод леваков берет:
Кто-то ради награды,
Кто-то за народ.

Солнечный шар взорвался:
Рухнули все мосты.
Кто-то в атаку рвался.
Кто-то прилег до весны.

Откровенно веселая «баба»
Пошла в город побродить.
А красивая синяя жаба
Захотела «бабой» пожить.

Отрастила длинные косы:
Пригодились ноги свои.
Взгляд немного дико раскосый
Отрывается от земли.

Я не буду ругать зеленых:
Сам зеленый уже давно.
Я не буду ругать влюбленных:
Посмотрю лишь им в лицо.

А туманный тихий вечер
Обнимает меня за плечи.
Только я уже не знаю.
За что вечность полюблю?

Никогда я не узнаю.
Где веселая пройдет?
Хотя точно понимаю,
Что когда-нибудь уйдет.

Только «жаба» дорогая
Всегда «бабой» рада жить.

Ее хата золотая,
И не надо печь топить.

* * *

Вернись на Родину братишка:
Рябина наша заждалась.
Цела твоя пока сберкнижка:
В гостиней мама убралась.

Прошла великая година:
Союз уходит под откос.
И лишь неверная «скотина»
Поднимет по ветру свой нос.

Пьянела синяя Россия,
Горела трезвая Чечня.
А он, волшебник некрасивый,
«Царем» назначил вновь себя.

Рожать, наверно, очень глупо,
Когда отчаянно народ
На что-то смотрит очень тупо,
Кому-то в рот, кому-то в рот.

Вернись на Родину братишка:
И в первый вечер ты женись.
Немного сбросит вес сберкнижка,
А ты немного отвернись,

Чтоб не заметить падших денег,
Чтоб отдохнули в тишине.
А в бане, в руки взяв свой веник,
Пройдешься лихо по спине.

* * *

Гордился я влюбленной парой,
Что бродит часто под окном.
А я сижу один с гитарой,
С измученным лицом.

Играю что-то и играю.
Наверно, очень хорошо.
И от волнения моргаю,
Но это очень нелегко

Понять: обратно кем-то брошен
Платок на пыльную тропу.
Теперь платок тот запорошен
Не пылью – фразой по лицу.

Слова, слова, когда я стану
Словесный смысл понимать.
Когда устану, я устану
Тебе в лицо слова бросать.

Гордился я влюбленной парой.

У нас с тобой совсем не так.
Сказала мне ты: с легким паром.
И сжала маленький кулак.

Зачем достигли разрушенья
Когда-то радостной любви?
Не упредили покушение
Ревнивых слов на рай души.

* * *

Не видать тебе чужого:
Будешь пользоваться моим.
А рассудит нас только пуля:
На такой мы тропе стоим.

Родились ни для вечного рая,
А для жизни на этой земле.
И другого пути не зная,
Отдадимся решенью судьбы.

Человек не рождается дважды:
Он рождается раз один.
Эту фразу сказать может каждый:
На такой мы тропе стоим.

Было принято раньше решение,
Было принято в лучшие дни.
А могучее вдохновение

Нас обоих толкало к любви.

Миллион секунд наслаждений.

Миллионы часов любви.

Но минуты пришедших презрений

Раскачали опоры судьбы.

Не видать тебе чужого:

Будешь пользоваться моим.

Мы прошли эту жизнь, рискуя

Возвратиться к местам неродным.

* * *

Я жду принятия решения.

Что поджидает в жизни нас?

Какие мысли разрушенья?

Какой нетрезвого рассказ?

Страдала много от нахалов,

Страдала я от «паханов»,

От слов больших и очень малых

И просто явных болтунов.

За годы тихого страданья

Впервые кто-то пожалел.

И появилось вдруг желанье

Все сделать, как не он хотел.

Его вонючая машина.
Его вонючих мыслей ход.
И вдрызг потрепана резина,
И поролона разворот.

Но шуткой странного сознания
Случайно вброшены слова.
Потом души моей рыданье
И за вонючего мольба.

Мне очень дорог скотский запах
И скотских мыслей тишина,
И грудь моя на грязных лапах,
И водки пьяная волна.

* * *

Вечная надежда на авось.
Лучшая подруга во всем мире.
Не скажу подруге: его брось,
Потому что грудь его пошире.

Потому что я уже ослаб
И готов другому уступить,
Чтоб весенний и осенний град
Смог меня за все это простить.

Чтобы летом и зимой весна
Перестала тело возбуждать,

Чтоб меня собою навсегда
Перестала рьяно волновать.

Я покорно снова упаду
В золотисто влажную траву
И подругу чью-то подожду,
И чужую снова отобью.

Отобью бессилием любви,
И словами дерзкими смущая,
Захохочут все кругом цветы,
Жалости к бессилию, не зная.

Вечная надежда на потом.
Лучшее останется в загоне.
Я хватаю губы твои ртом
В колокольном, не последнем звоне.

* * *

Фактов нет, но подозренье
Душу дико жжет.
И приводит в возбужденье
Ее рваный рот.

Я ревную от бессилья,
От нехватки слов.
Не сдержать уже насилия
И безумства снов.

Мысли грязные беснуют
В голове моей,
Разум мой они разуют
Жестокостью камней.

Почему такое горе
Подошло ко мне?
Ляжет тенью на заборе
И сгорит в огне.

Сердце бьется дикой злобой.
Ненависть зашкалит.
Не прикроет рот свой робой.
Фразой больно ранит.

Фактов нет, но подозренье
Душу дико рвет.
И когда придет прозренье?
Срок кто назовет?

* * *

Сорок лет прожил с супругой.
Сорок лет прожил с женой.
Началась любовь весной,
А закончится с зимой.

Обожаю до безумства,

Тело старое люблю.
Сатанею от безумства,
Но ночей черных не жду.

Я не жду хорошей ласки:
Заскуразная ладонь.
А морщин глубоких маски
Притушат в душе огонь.

Что огонь? Простое тленье
Не возникнет на траве.
Безобразное волненье
Заторжено в воде.

Холостыми стали ночи.
Холостыми стали дни.
Видно, раньше рвали очень
И сердца не сберегли.

Сорок лет большое время.
Сорок лет – не пять минут.
Придавило страсти бремя
Страсть безвольных слабых рук.

* * *

Не ревнуй березу, тополь:
Не достоин ты любви.
Не услышит душа вопли

О предательстве воды.

Начинается ручьями
С горных склонов на поля
Или девушек слезами.
Иногда не навсегда.

Ревность душу раздирает:
Часть, под редкие кусты,
Часть, невинная рыдает
Незамеченной в любви.

Видно, есть во всем причина.
Видно, строгость и покой.
Видно, на лице личина
Прячет щелочи разбой.

Не ревнуй березу, тополь:
Презирай, но не ревнуй.
Много ты уже протопал:
Свои ноженьки разуй.

Окуни в прохладу зноя,
В синеву студеной вод.
И спасешься от разбоя,
И спасешь свой рванный рот.

Открылась душевная рана:
Я снова тебя не люблю.
Я в этой жизни – гость незванный,
С собой свое не заберу.

Чужое не тронет презрение:
От радости радость сожгу.
Большое ночное волнение
Один в тишине подожду.

Возможно, возрадуюсь круто.
Возможно, ударюсь в бега.
Но только не буду тупо
Смотреть на тебя никогда.

Зачем оглушила ты криком?
Зачем ревновала весь день?
Упала в восторге диком
Большая черная тень.

Легла между нами надолго,
Прикрыла собой все года.
И стало зябко и колко,
И стала студеной вода.

Вновь голос застужен ночными
Рыданиями в тишине.
Рассветами голубыми
Ползет моя грусть по земле.

* * *

Алжир – страна чудес и мракобесья,
Меня встряхнул не мудрыми речами.
Моя проста и откровенна миссия:
Ее исполню чистыми руками.

Войду в сады и посмотрю на небо,
И провалюсь в бессмертие глазами.
Бороться надо за слова без хлеба
И без воды, но с цветами.

Нарву охапку свежих алых роз,
А хризантемы закричат от боли,
Что я охапку в тишину унес
Не мертвых, но уже без воли.

Морская плещется волна вдоль берегов,
И камни скалятся осколками кривыми,
Не встретил я друзей своих врагов,
Которых назову всех золотыми.

А вдалеке волнуется пустыня,
И движутся безмозглые пески.
И пахнет зрелостью большая дыня,
А страсть волшебная не требует любви.

Алжир, возьми себе мое волнение

И душу на ночь успокой мою.
Я отвергаю ни твое презрение,
А мракобесия лет и нищету.

* * *

Я устал от глупости людской,
От страданий невиновных душ.
Почему ты, сильный, молодой,
Отбиваешь страсть мою у груш?

Почему закат мой голубой
Не зардеет в ярости печали,
Не накроется чужой судьбой,
Не прикроется хрупкими руками?

Почему усталость ломит ноги
И кричит усталая душа?
Почему прощают тебя Боги
И наказывают в тишине меня?

Почему соленое презрение
Не разгонит рваных облаков,
А большое старое волнение
Не оставит старых дураков?

Почему оставил я немного
Добрых и хороших дел
И прошу уже давно у Бога

Завершить жестокий беспредел?

Я устал от дикого сомненья
И от слов ненужных и тупых.
Не ушло пока мое волненье,
Когда рядом много молодых.

* * *

Разорвали платье золотое,
Ключья разбросали по траве.
Тело белое и молодое
Распласталось на лесной земле.

Я не знаю: кто такое сделал,
Кто ославил дерзко красоту,
Кто всю ночь кругами бегал,
Наполняя смехом тишину.

Я не знаю подлости сильнее:
Преступленье налицо в лесу.
Стало тело на траве белее,
Изменяя зрелостью судьбу.

Растоптали тело молодое,
Сердце вырвали и бросили в туман.
Все обычно, но дело непростое,
И стоит за ним обман.

В этот лес обманом заманили,
В этот лес обманом привели,
Честь девичью глубоко зарыли,
Окропили кровью часть травы.

Я не видел жуткого страданья.
Я не слышал криков: «Пощади!»
Видно, рухнуло на землю мирозданье
От насилья неземной любви.

* * *

Ревнует старая карга,
Ревнует старика.
И огорошена земля,
Услышав ревности слова.

Безумство тронулось умом,
Застыли алые глаза.
И притворился дураком
Великий разум старика.

Зачем сегодня ревновать?
Зачем о берег биться,
От боли бешеной страдать?
Ему бы вновь влюбиться.

Влюбиться в дикие леса,
Великие просторы

И молодые голоса,
И голубые горы.

Влюбиться ночью в светлый день,
А днем – в ночную шалость,
И, обнимая чью-то тень,
Покорно отдать малость

Любви большой и озорной,
Как в молодые годы,
Или продать за золотой
Прошедшие невзгоды.

* * *

Не оставляйте без вниманья
Супругу, даже верную.
Найдет чужое пониманье
И дерзость очень смелую.

Захочет кто-то пожалеть
И поласкать нагую,
Заставив рьяно рдеть,
Как будто холостую.

И позабудет стыд, а грех
Охватит тело смело.
В лесу раскатист тихий смех:
Пошла судьба налево.

Объяты, пьяные глаза,
Слова его шальные.
И страсти новые слова,
И снова молодые.

И ночь кругом, и тишина,
И звезды золотые,
И беспредельница-жена,
И руки вновь чужие.

А дома тихо, тишина
Супруга нежно тешит.
А беспредельница-жена
Чужое тело нежит.

* * *

Золотистое поле не знает,
Что волшебное время прошло,
И поэтому утирает
Свое мокрое лицо.

Почему оно плачет? Не знаю.
Почему-то колосья дрожат.
Почему-то я тоже рыдаю
На виду у березок-девчат.

Я стесняться пока не намерен.

Я раздеться готов до конца,
Потому что очень уверен,
Не увидит никто меня.

Только солнце чуть-чуть улыбнется
И остаток дня погрустит,
Потом громко о горы взорвется
И сквозь землю до дня улетит.

Прогремело вечернее пламя.
Это тихо пылала заря.
И спустилось черное знамя:
Отторжение дневного до дня.

Лунный свет озаряет прохладой:
Пальцы зябнут и зубы стучат.
Красоты мне ночной не надо
И не надо берез-девчат.

* * *

Нельзя супруге доверять:
Доверчивость рогата.
Хоть раз в неделю проверять,
Или придет расплата

Обманом светлых нежных глаз,
Словами без сомненья.
А ласковый ее отказ

Разгонит подозрения.

И успокоится душа,
И сердце успокоит
Ее спокойные слова
Волненьем удостоят.

И все покажется простым
И грустным, и тоскливым,
Задиристым и молодым,
И, вроде бы, счастливым.

И утром рано хорошо,
И днем, наверно, тоже.
А ночью радостно легко:
Удобно, вроде, ложе.

Нельзя супруге доверять:
Доверчивость наивна.
Не надо постоянно ждать
Мамонтова бивня.

* * *

Смоленская площадь раздора.
Высотное зданье любви.
Красивая женщина Дора,
Любительница тишины.

Таинственный стон в кабинетах
И шепот в толстых стенах.
Как много здесь было раздетых
В горячих страстных руках.

Решаются мира проблемы
И кровью, и силою слов.
А рваные яростью вены
У честных от подлецов.

Так будет всегда и надолго:
Запомнится крик в тишине.
И вновь персональная волга
Рванет по чьей-то судьбе.

Дорога, большая дорога
От юга до северных гор.
Студеная недотрога,
Ее восточный позор.

Раскатисто запад хохочет:
Зубов блестит белизна.
Ну, что, от кого он хочет
Не знаем ни ты и ни я.

* * *

Старая площадь надежд
Женщин и мужчин.

Скопление невежд
И однополый чин

Стекаются, словно ручьи
В низину холодных озер.
Вроде, совсем ничьи,
Вроде, плывущий сор.

Скоро слезы сойдут
С синих печальных глаз.
Кого-то заберут.
Кого-то – в следующий раз.

Рыдать я не привык:
Спокойная душа.
Серого волка клык
В кармане у меня.

Войду я в кабинет
К «большому» на прием.
На «здравствуйте» в ответ
Ударю в грудь ножом.

И рухнул на паркет
Невинный человек:
Не слушал мой совет
О повороте рек.

Отрубили волшебнику голову,
Отрубили мясистый член
И, расплавив немного олова,
Огнем капнули меж колен.

За какие грехи издевательства,
Не волшебные, он терпел
И не сдерживал ругательства
Меж искалеченных тел.

Погубили волшебника тихого,
Погубили его добро,
Закопав в землю леса тихого,
Хотя это нехорошо.

И не будет теперь сказок сказочных,
И не будет веселых слов.
Видно, много стекол вазовых
Меж напиленных и рубленых дров.

Поднимается солнце печальное:
От него земле холодно.
И грубеет эхо дальнее,
Спрятав тайно свое лицо.

Что-то шепчет месяц растущий,
Непонятны его слова.
Свою версию в дугу гнущий,

Ветер движется на меня.

* * *

Раздобрела женщина милая
От хорошей жизни и добра.
Только сила ее хилая,
И не держит ее земля.

А была ведь когда-то стройной.
Гибкость тела на все сто.
И походкой своей достойной
Завораживала легко.

Что случилось? Наверно, годы
Ошарашили хорошо
Или, может быть, невзгоды,
Или жизнь шла нелегко.

Я не знаю причины, истина
Неизвестна мне одному,
Не услышал, наверно, «выстрела»
И удара по лицу.

Я не знаю, когда кончаются
Бодрость духа и сила чувств,
Когда старые влюбляются
И костей раздается хруст.

Подобрела женщина серая,
Но морщины – вестники лет.
А луна такая белая,
И холодным будет ответ.

* * *

Упаду на ровном месте,
Растянусь вновь в полный рост.
Разнесутся по полю вести,
Что сломалась душевная кость.

Я не буду кричать в безумие.
Я не буду всю ночь рыдать.
Видно, кончилось везение
И не надо уже его ждать.

А из леса ночная прохлада
Надвигается на меня.
И уже никакая преграда
Не разрушит основы зла.

Соберу я последние силы.
Соберу я волю в кулак
И забуду земные обиды,
Хотя, вроде бы, не дурак.

Хотя, вроде бы, мне понятна
И осознана жизни цель.

И на солнце большие пятна,
И на море бывает мель.

Я не буду ругаться матом.
Я не буду ругать судьбу
И мечтать о встрече с братом,
Но, ни в поле, а в лесу.

* * *

Я задумался не о жизни.
Я задумался о другом.
Почему слышу женские визги,
Вижу женщин с тупым лицом?

Видно, что-то их напугало.
Видно, в детстве побоев хор.
Или судьба играла,
Показав острый «топор».

Видно, было душе томленье.
Видно, мало веселых дней.
А простое умиление
Растрезвонил соловей.

Видно, речки им было мало.
Видно, море далеко.
Видно, горечь очень достала,
Опоганила лицо.

Я задумчиво с годами,
Даже ночью, говорю
И холодными руками
Тихо трогаю луну.

Я прошу волшебный ветер
Мне ответить на вопрос.
Почему я в этот вечер
На полдьюма не подрос?

* * *

Я хочу любить один
Женщину красивую.
Хотя полный это вздор,
Не любить любовный хор.

Увлеченно хором петь
Учат в школе рано.
И всегда надо терпеть,
Если болит рана.

Я хочу любить одну
Женщину красивую,
Раздирая тишину,
Раздевая милую.

Увлеченно хором «жрем»:

Запивая пивом,
Воблу старую сосем
С незнакомцем сивым.

Я хочу любить всегда
Женщину красивую.
Упускать ее нельзя,
Даже несчастливую.

Не люблю любовный хор
И лесную баню.
Надо мной «весит топор»,
А «разрубит» Ваню.

* * *

Согрешила, согрешил:
Мы с тобой раздеты.
Нам с тобой весь мир не мил:
Презирают дети.

Почему встречаться здесь
Суждено нам долго?
На березу мне залезть,
А тебе в берлогу.

Холод трогает тела.
Замерзают души.
Под березу ты легла.

Видно, там посуше.

Ветер бьет тебя в лицо,
А меня в затылок.
Было нам нехорошо,
Словно без посылок.

Виноваты мы вдвоем:
Тайные измены.
Скоро кровью запоем.
Скоро перемены.

Лес нахмурился, седой.
Видно, недоволен.
Окропил вновь нас водой.
Видно, снова болен.

* * *

Охватила сердце злость:
Дикая обида.
Словно в горле чья-то кость,
Но не подам вида.

Я обиду «проглочу»,
Затаю надолго,
Потом тихо отомщу,
Пока течет Волга.

Полноводная река —
Русское раздолье
Пожалей хоть раз меня:
Соберу застолье.

Буду пить один в лесу,
Буду материться,
Нарушая тишину,
И себя стыдиться.

Почему такой я злой?
Почему зверею?
Почему я с молодой,
Почему робею?

Охватила всего злость:
Нет конца, нет края.
А вдали белеет кость:
Убита молодая.

* * *

Три француза, друга закадычных
В старинном Париже.
Три голоса тихих, но зычных
Слышатся ближе и ближе.
1 друг: «Сука, стерва, проститутка.
Все в одном лице?»
2 друг: «Мне сказали: это шутка

О муже подлеце».
3 друг (муж): «Я, конечно не поверю,
Стану проверять
И за все соседу-зверю
Готов в морду дать».
Подходит сосед:
И взревел сосед упрямый:
«Я не при делах.
Может быть, когда был пьяный.
Кровь вот на руках.
Не хотел я трогать, сами
На меня бросаются,
Берут рьяно все руками,
Губами касаются.
Сонной кофе предлагаю:
В нем снотворное.
Потом нежно наклоняю,
Любовь ртом проворная.
Во рту быстро возбуждаюсь:
Радость от разврата.
И поэтому я каюсь:
За грехи расплата».

* * *

Очень греться не люблю
Я в чужой постели,
Обожаю лишь свою,
Чтобы сны взлетели.

Снится тихий городок,
Озеро большое.
И мальчишка с ноготок
Думает, что море.

Снится: в школу я пошел.
Первые тревоги.
Что-то новое нашел.
И сильнее ноги.

Снится первая любовь,
Поцелуй невинный.
И пролита чья-то кровь:
Дурман во мне винный.

Снится воинский призыв
И стальные нервы,
И ночной печали взрыв,
И убитый первый.

Снится мне, что я живой
Возвращаюсь в город.
Снится мне, что я седой,
Хотя очень молод.

* * *

Ревность в сердце родилась,

Хотя уже старый.
Душа с петель сорвалась:
Вот такой я малый.

Понимать я не хочу:
Потерял рассудок.
В бездну вечности лечу,
Как простой «ублюдок».

Ревность терпеливо ждет
Сильных потрясений
И по гордости пройдет,
Как поток весенний.

Бесполезно говорить
Слова оправданий.
Тяжело, наверно, жить
В пелене рыданий.

Ревность душу обнажить
Не всегда готова.
Только мне как дальше жить,
Выбравшись из рова.

Недоверие мое
Растоптало душу.
Мое старое лицо
С грубостью о сушу.

Вецмезони, мой друг, Вецмезони,
Одурачен словами любви.
В море чувств мы вместе не потонем,
Не хлебнем равнодушья нужды.

На развалинах дикого рая
Новый дом не построим вдвоем.
Ни желаний, ни страсти не зная,
Мы оставим все на потом.

И не будет прогулок безумных,
И не будет черных ночей.
Для хороших и очень умных
Что-то тихо споет соловей.

Вецмезони не ты, Вецмезони,
Не пространство далеких миров
Нецелованных грубо не тронем,
Не коснемся грязью их ртов.

Ошарашено слабостью время.
Это время прожить нам дано.
И разврата тяжелое бремя
На родное плечо легло.

Что ж, скрипели недаром зубами,
Рвали нежных желаний белье.

Крепко сжатыми кулаками
Сильно били прямо в лицо.

* * *

Вецмезони – последнее счастье
И рассвет голубой на заре.
Вецмезони не любит в ненастье
Обращаться с молитвой к судьбе.

Дождаясь роскошного утра
И прилива волшебных сил,
Поступает, наверно, мудро,
Что прощение за грех попросил.

Я не знаю другого создания
В этом мире желаний, страстей,
Чтобы так прилагало старанье
Для приема хороших гостей.

Чтобы горечь и грусть растопило,
Чтобы море волнительных чувств,
Чтобы в холоде тел пробудило
Жар любви и безумства хруст.

Вецмезони – последняя радость
И последняя дикая страсть.
А потом бесконечная слабость
И горячая трезвости власть.

И вернется в сознание рассудок,
И глаза подobreют от роз,
И достаточно сотен минуток,
Чтобы вовсе остыть в мороз.

* * *

Огорошила ночью супруга:
Надо позу любви нам сменить.
Попа очень моя упруга:
Ее тоже надо любить.

Для меня это ново и дико:
Сорок лет было все хорошо.
Развернулась любимая лихо:
Я не вижу ее лицо.

Подчинись, если женщина просит,
Сделай так, как сказала она.
Словно в поле наложница косит,
И махает серпом рука.

Извивается тело большое.
И привычен телу полет.
Только где познала такое?
И ругается грубо рот.

Ошарашен познанием супруги.

Сорок лет я не знал ни о чем.
Ягодицы ее упруги.
И владеет красиво ртом.

Я не знаю познания откуда.
Кто ее и когда обучил.
Только я больше так не буду:
Не такую ее я любил.

* * *

Подозрение, опять подозрение:
На виду вновь водитель дробил.
В голове появилось сомнение.
Почему ей извоз предложил?

Почему приняла предложение
Утром, вечером, летом, зимой.
Приказал прервать соглашение
Этой ранней бурной весной.

Зарыдала, забила в истерике,
Умоляла извоз разрешить.
Говорила супругам в Америке
Без водителя скучно жить.

Я молчал: велико подозрение.
На колени упала она.
Видно, взрывом эмоций в волнение

Загоняет ее сатана.

Видно, тело терзает влечение.

Видно, правда, ее пожалел.

Видно, радостное мгновение

В отношениях не предел.

Видно, сам виноват, что доверился,

Что всегда и во всем доверял,

Что ударить ее не осмелился,

Неуверенно возражал.

* * *

Во всем громадном мире

Осталась я одна.

Пространство стало шире

И холодней земля.

Никто не пожалеет,

Никто не защитит.

Душа моя немеет.

А Бог в лесу молчит.

От матери и сына

Давно я отреклась.

И лишь один мужчина

Кладет на тело глаз.

Один мужчина только
Однажды пожалел.
В руках его нестойкой
Была, как он хотел.

И ласково и смело
Любовь его брала.
Его родное тело
Хотела и ждала.

Не надо мне супруга,
Не надо мне родных.
Готовлю вновь я грубо
Сражение для них.

* * *

Не стыда, не совести:
На конфликт пошла.
И в глазах нет робости.
Злоба есть одна.

Защитила пьяницу,
Гордость потеряв.
Обожая пьяницу,
Показала нрав.

Я уже шокирован,
В ступоре давно.

Шок меня не миновал
И горит лицо.

Что же мною сделано?
Сделал что не так?
Что-то тебе велено:
Разрушаешь брак.

Была жизнь чудесная,
И была любовь.
Есть стена отвесная,
И застыла кровь.

Я не помню прошлого,
В будущем тону,
Не приемлю пошлого,
Обман не люблю.

* * *

Одурела, родная, одурела:
Обнажилась у всех на виду.
А недавно, родная, ревела
И хлестала себя по лицу.

Наважденье бывает, наверно,
В этой жизни у каждого в срок.
Только надо понять его верно
И запомнить, как в детстве урок.

Что же было тогда, кроме дурости
В этой вспышке эмоций и слез?
Сколько горечи, сколько тупости,
Что по коже даже мороз.

И не надо чистых признаний:
Все признания, словно туман,
Обожающий рассвет ранний,
Исчезающий, как обман.

И не надо простых обещаний.
Их забудешь, как призрачный сон.
Твоя память – кафтан рваный,
От которого только урон.

Озверела ты, озверела:
Все инстинкты налицо.
А когда-то очень робела,
И краснело невинно лицо.

* * *

Вошла стремительно и рьяно,
Всех осмотрела за присест.
Потом чуть-чуть качнулась пьяно,
Не увидав свободных мест.

Какой-то тихий незнакомец

Ей предложил присесть в углу.
А гладко выбритый эстонец
Нарушил стоном тишину.

«Какая свежая порода!
Какая красота в лице!!
Принять не может от уroda
Такой подарок по-весне».

Он уступил ей место в центре,
Чтоб видеть все ее могли
И сразу вместе, мне поверьте,
Мечтать об истинной любви.

Какая свежая вся кожа!
Какой оскал широких губ!
А рядом с ней такая рожa,
Несносен ртом и словом губ.

Чудесный вечер, много смеха
И вин широкая река.
Еще одна осталась веха
После меня, после тебя.

* * *

Ты застонала от страданий.
Ты запрокинула лицо.
Избыток чувственных желаний

Сдержать при боли нелегко.

Ты засмеялась некрасиво,
Хлебнула терпкого вина,
Рукой махнула чуть игриво,
Усталость, сбросив в конце дня.

Я прикоснуться пожелаю
И в руки взять твое лицо.
Однако, как? Совсем не знаю.
Решиться здесь мне нелегко.

Здесь был убит тобой любимый,
Здесь кровью тихо истекал,
Немного бледный, но красивый.
Он на поляне умирал.

А ты смотрела и гордилась
Бесовской смелостью своей.
Затем в меня лихо влюбилась
И бросила своих детей.

Не знаю правильных решений.
Не знаю, как мне поступить.
Не замечать всех преступлений
Или в лесу тебя убить.

* * *

Пара больных идиотов
Села напротив меня.
Много крутых поворотов.
Много в глазах их огня.

Шепчет она ему что-то.
Громко смеется подлец.
Не обсуждение кого-то:
Просто их бросил отец.

Видно, не сдюжил двойняшек.
Видно, простой негодяй.
Встретил, наверно, монашек.
Где он теперь? Догоняй.

Трудно найти его в поле.
Трудно найти и в лесу.
Даже у Черного моря
Он не «кадрит» красоту.

Он стережет тех монашек,
Рад им по-жизни служить,
Трогает пальцем букашек
И продолжает так жить.

Пара больных идиотов
Не вспоминает отца.
Много у них перелетов
И далеко до конца.

* * *

Радуйся тихо жизни,
В лес погрузить сходи.
Ты образцово по-жизни
Диких гусей полюби.

Славная тварь у природы.
Дикая вольность в глазах.
И не последние роды:
Новая жизнь на руках.

Ты отвечаешь, наверно,
Грубо на просьбу земли.
Это, возможно, и верно:
Нет к земле любви.

Ты иногда смеешься
Или смеешься всегда.
Сделать что-то возьмешься
Для доброго чудака.

Голову ветром сносит:
Ветер жесток и колюч.
Что-то взамен попросит:
Твой от квартиры ключ.

Что ему добрая слава:

Отзывы нехороши.
Злая желанна забава
И вознесенье души.

* * *

Смысла бредовой идеи
Я понимать не хочу:
Вечером женщин раздели
И застрелили в лесу.

Может быть, просто злодеи
Или безумство и страх
Коршунами налетели
И уничтожили прах.

Женщины их родили,
Вежливых сыновей,
Старательно растили
И привечали друзей.

Что же потом случилось?
В чем упущенье родных?
Доброе сердце разбилось.
Много жестоких и злых.

Ночью в прохожих бросают
Камни кровавых измен.
Жалости к ним не знают:

Жизнь, как монеты размен.

Горько рыдает береза:
Женщин жалеет она.
Новая зреет угроза,
И затаилась луна.

* * *

Сколько в России «дебиллов»?
Пьяниц в России сколько?
Сколько в России «горилл»?
Много других и не только.

Не устаю удивляться
Грубости и порокам.
Даже могу возмущаться
Всяким хамским истокам.

Корчится в страхе чиновник,
Взяточник грубый и вор.
А бесшабашный любовник
Тихо ведет разговор.

Сколько в России хороших?
Сколько в России плохих?
Луг не зеленый не скошен.
Видно, растет для других.

Видно, волнуется море.
Видно, взрывается даль.
И надвигается горе,
Вновь заменяя печаль.

Я ненавижу не небо.
Я ненавижу себя,
Требую корочку хлеба.
А в роднике вода.

* * *

Наглость в глазах большая.
Злость его через край.
А нелюбовь неземная
Лихо шагнет через май.

Вроде, когда-то в детстве
Был человек простым,
Не думал о наследстве,
Хотя был молодым.

В юности когда-то
Обожал девчат,
Будучи солдатом
Обижал ребят.

А девчата плачут:
Горечь от обид.

Старушки судачат.
Некрасив их вид.

А ребята молча
Сжимают кулаки,
Взгляд их, вроде, волчий,
Хотя не дураки.

Жизнь кромсала бедных.
А богатых нет?
Не любила бледных.
На красных запрет.

* * *

Подлая натура
По костям пройдет.
Бедная не дура,
Что-то подберет.

А хозяин тихо
Сзади подойдет
И огреет лихо,
И откроет рот.

Рот чуть-чуть поганный,
Зубы желтые.
Пиджак его драный,
Чулки модные.

Закачалось небо,
Падает вода.
Нет в кармане хлеба.
Голодать нельзя.

Огрубели руки,
Лицо в синяках,
Требуя разлуки,
Будешь в дураках.

Дальняя дорога,
Длительный разбег.
Попроси у Бога,
Чтоб простил твой грех.

* * *

Голубое небо.
Голубой простор.
Много надо хлеба:
Накормить весь хор.

Голоса глухие,
Тихие басы.
Писки неземные:
Капельки росы.

Слушаю ночами

Песни о любви.
Топаю ногами:
Брызги от воды.

Просыпаясь поздно,
Много пропущу.
Посмотрю вглубь грозно
И себя прощу.

Я любить насильно
Не заставлю лес.
Дождями обильно
Вымочен твой пес.

Я прощаю стоны
В забытье любви,
Делая поклоны
До самой земли.

* * *

Не ломайте мне руки, паскуды,
Не бросайте тело в овраг.
Не хочу поцелуя иуды.
Не хочу, чтоб жалел меня враг.

Я из пепла в жизнь не восстану,
Из могилы не поднимусь,
А в гробу лежать не устану,

Но эмоциями взорвусь.

И тогда зарыдаю громко,
И в истерике забьюсь,
Потому что рвется, где тонко.
Только этого я боюсь.

Не дробите сегодня мне скулы:
Пожалейте мое лицо.
Не хочу умереть от паскуды.
Умирать в этот день нелегко.

Я в хорошее время родился.
Я счастливое детство имел.
В восемнадцать впервые влюбился
И жениться уже хотел.

Но судьба приготовила горе:
Я заложником стал зверей.
Безобидное Черное море —
Кабала для простых людей.

* * *

Свалился влюбленный в пучину,
В пучину жестокой любви.
И грубо, как влажную глину,
Мнет тело чужой жены.

А страстные ночи проходят
В рыданиях и столах земных.
Простые слова заводят
Рассерженных и лихих.

А муж, как всегда, в дороге,
Бредет из последних сил
И думает лишь о Боге,
О том, как жизнь прожил.

Настало смертельное время,
И смерть над плечами весит,
Раскаянья тяжкое бремя
Над миром ночным звенит.

Не вспомнил он о любимой,
О женщине дорогой.
Не вспомнил он о родимой,
Роскошной и молодой.

Всю ночь жена кричала
От страсти молодой.
И не было печали,
А был конец большой.

* * *

Не приходя в сознание,
Любовник молодой,

Не высказав признания,
Лежал с чужой женой.

Умрет еще нескоро,
Наступит страшный день.
Супружества опора
Мелькнет расправы тень.

И в полдень в спальню тихо
Войдет муж пожилой
И улыбнется мило
Жене немолодой.

Увидев чье-то тело,
Не бросится в кровать,
А плоть его хотела
И мять и целовать.

Улыбка исчезает
И хмурится лицо.
Никто уже не знает:
Жену убьет за что.

Лежат давно два трупа,
А спальня заперта.
На два стальных шурупа
Прикручена судьба.

Оголилось волшебное пламя.
Загорелась стальная печаль.
А красивая белая дама
Не освоила струнный рояль.

Не хотели любить, не хотели,
Не хотели они изменять,
И поэтому в грех влетели,
И немного должны пострадать.

Жизнь смеется над тихой изменой,
А судьба вновь столкнет их в постель.
Не была дама белая смелой,
Соблазнил ее черный зверь.

Застонала от черного зноя
И забилась в черных руках,
Отказалась любить его стоя,
И поэтому вся в синяках.

Одурела от страсти безумной,
Потеряла и стыд свой и честь.
Видно, черный вовсе неумный:
Дама белая любит лесть.

Оголилась ненужная правда,
И потрепано плотью белье.
И прошла утоленная жажда.

Почернело у дамы лицо.

* * *

Кровью умылся ранний рассвет
И обнажился улыбкой.
Много уже улыбается лет.
Стала улыбка гибкой.

Небо прощает ему белизну:
Кровью умытое древо.
Вновь упадет рассвет в тишину
Лихо, конечно, и смело.

Жалуйся солнцу и радость придет.
Брызги счастья стонут.
Прерванный кем-то когда-то полет:
Летчики все утонут.

Море большое, его глубина
Мысли мои чарует.
Где ширина и где же длина?
Море опять бушует.

Море соленое, воздух хорош.
Волны крикливо плачут.
Только в рассвет пробирает дрожь.
Видно, нельзя иначе.

Видно, задумано так навсегда.
Было и будет вечно.
Надо в жизни, хотя б иногда,
Себя вести беспечно.

* * *

Задумался конюх, задумался конь
О жизни своей невеселой.
Пылает безумно в костре огонь,
Сжигая соседние села.

Конюшня шикарна, широкий простор
И много душистого сена.
Но где-то немного заужен зазор:
Не выйдет густая пена.

Замучился конюх, и выдохся конь
Цепляться за жизнь лихую.
В костре же пылает безумно огонь
И греет луну молодую.

Заснет скоро конюх, а конь захрапит.
Все бдительность потеряют.
Искра небольшая в конюшню влетит.
И грусть, и печаль зарыдают.

Пылает конюшня, пылают тела.
И крики несчастных стихают.

И падают балки в пучину огня.
Родные надрывно рыдают.

Не думает конюх, не думает конь
О жизни своей невеселой.
Пылает безумно в костре огонь,
Сжигая соседние села.

* * *

Ошибаться мне нельзя.
Я уверен в этом.
И расскажут мне друзья
Все потом.

Укорочен монолог.
Слова звучные.
Обнаружится подлог:
Объяснения научные.

В диалог влюблен,
Но не хочется,
Чтобы был прощен
Без пророчества.

Много я пожил:
Все с ошибками.
С ветром не дружил.
Дружил с липками.

А под липками
Много тени есть.
Листья липкие.
Всем большая честь.

Разыграется, остановится.
Остановится и заснет.
Не раскроется, но откроется
И положит ей что-то в рот.

* * *

Уставшее, рыхлое тело.
Уставший, задумчивый взгляд.
Наверно, она захотела
Сменить свой наряд.

Весеннее платье разорвано:
Потрепано донельзя.
Но нет ничего позорного
Для нищего всегда.

Уставшие твердые руки
И сонное лицо,
Как будто после разлуки,
Налево не повело.

Я думаю и жалею,

Что вышел уже в расход.
И, видно, не посмею
Открыть ее алый рот.

Но быстро так не стареют.
Но старость налицо.
Под мышками не бреют:
С волосиками хорошо.

Я думаю, улыбаюсь
Сознательно или нет.
Я перед Богом каюсь:
Держу перед ним ответ.

* * *

В лесу я гонялся за тенью
И тихой лесной тишиной,
И слушал волшебное пенье
Не только один, а с тобой.

Любимая, кончилось лето,
И осень у наших ног.
А в прошлом остался где-то
Весеннего счастья порог.

Пройдет дождливая осень,
И снежная буря пройдет.
Мы счастья большого попросим

На вечность, а не на год.

Счастливый порог переступим,
В чудесный рай вместе шагнем
И правильно поступим,
И черной ночью, и днем.

Россия иногда нас любит.
Мы любим ее всегда.
Россию никто не погубит:
Защита ее крепка.

Осеннее солнце светит.
Осенняя синева.
На все оно ответит:
На грубость – никогда.

* * *

Аромат шампанских вин
Мою голову вскружил.
Вбив в мой разум острый клин,
Рану наглухо зашил.

После этого всегда
В ожидание дождя
Болит очень голова
Даже ночью у меня.

До безумства дохожу
И в истерике кричу,
Кулаками в стену бью,
Но развязки я не жду.

Жизнь, хорошая моя,
Обожаю я тебя.
Хоть в истерике без сна
Начинаешься с утра.

Умоляю и прошу:
Не веди меня ко дну
И не бей в лицо в сердцах,
А неси лишь на руках.

Жизнь, хорошая моя.
А прекрасная земля
Дарит радостно цветы
Для души и для любви.

* * *

Рассердился тополь на меня:
Бросил взгляд свой пухом мне в лицо.
Видно, по-другому и нельзя,
Чтобы было мне нехорошо.

Удивился я, но промолчал,
Посмотрел ему прямо в глаза.

Видно, я терпенье раскачал.
Видно, возмутилась и листва.

Храбрость покидает мой позор.
Силы ослабели донельзя.
Не хочу ввязаться в этот спор:
Плох он будет только для меня.

Что мне надо с тополем делить?
Что с собой взять, что оставить здесь?
Как мне после этого не жить
И не слышать годы чью-то весть?

Пронесутся мимо поезда.
И в поход все крейсера уйдут.
Самолеты вскроют небеса,
Если надо, в море упадут.

Рассердился тополь на меня.
А обида скоро подрастет.
Замолчит в испуге тишина,
И закроет тополь, молча, рот.

* * *

Раскосые березы.
Румяные пажи
Приносят с поля розы
И острые шипы.

Нельзя вновь уколотся.
Нельзя и полюбить.
С пажами мне бороться —
Неспокойно жить.

А я хочу покоя:
Чудесный ночной стон
Без всякого разбоя
И нежный звучный тон.

Играет ветер светом,
Играет на ветру.
Хотя он не с приветом,
Я с ним в лес не пойду.

В лесу роса искрится,
И шелестит трава.
И может вдруг взбеситься
Студеная вода.

Роскошные березы.
Зеленая листва.
А на поляне розы.
А в роднике вода.

* * *

Горько мне себе признаться,

Что я часто был неправ.
Не хотел в тебя влюбляться:
Прятал страсти своей нрав.

Заслонили горе горы,
Спрятав истину в волне.
Не волнуют море споры
И о жизни, и о судьбе.

Воспитанье не помеха
Для предательства в любви:
Некрасивая потеха
Для небес и для земли.

Образованная невеста.
Жених – конюх при дворе.
Замешали много теста
И застыли в тишине.

Откровенная удача:
Вновь неравный дикий брак.
Не потребуется сдача,
Если взяточник дурак.

Что же сделали с Россией?
Почему такой позор?
Поступали некрасиво,
Выводя такой узор.

Искупить готов я кровью
Не свою – ее вину.
Поведет красиво бровью
И нарушит тишину.

Скажет что-то напрямую
О невинности своей
Или истину простую
Для неопытных детей.

Я не буду волноваться:
К этим мерам я привык.
За кого буду сражаться?
Кому вырву дикий клык?

И признание, и презрение —
Для меня не страх в глазах.
Незабытое мгновенье:
Тело страстное в руках.

Проходите, годы бури,
Проходите крахом дня.
Наглотавшись много «дури»,
Позабудешь ты меня.

Но когда-нибудь однажды,
Словно гром в ночной тиши,

Скажет кто-то тихо дважды:
Ты люби меня, люби.

* * *

Упаду сегодня в поле
На зеленую траву
И забуду свое горе,
И прощу свою судьбу.

Позабуду я обиды,
Нехорошие слова,
Неприличья твои виды
И безумные глаза.

Что ты делаешь со мною?
Где приличье, где покой?
Управляет кто тобою
Неприятною рукой?

Как случилось, что забыли
Что-то ценное в себе?
Что-то сбросили и смыли
И пустили по воде.

А когда-то понимали
С полуслова и без слов.
И друг другу доверяли
Без горящих сальных дров.

Видно, мы с тобой устали
От забот и от обид.
Видно, что-то мы предали,
Изменили свой «прекид».

* * *

Яркогo солнца мгновенье
Мне ослепляет глаза.
Рвется в лес вновь вдохновенье,
И сдержать его нельзя.

Яростно солнце проходит
Леса зеленый покров.
Кто-то в лесу тихо бродит,
Падает часто в ров.

Вырыл его, наверно,
Сильный во всем человек.
И рассчитал все верно
В текущий жестокий век.

Пьяные люди гуляют,
Власть под себя подмывая.
Слезы старушки роняют
В тело зеленых трав.

Скучно и скучно веселье.

Ярость народной молвы.
Где-то чужое насилие
С криком лесной тишины.

Острого месяца холод
Звезды сгоняют с небес.
Двигается медленно голод,
И редет мой лес.

* * *

Кромсайте тело свежее.
И молодость пройдет.
Любите тело реже вы:
Страсть ваша вас сожжет.

Туманы поднебесные,
Крутые облака,
Леса в горах чудесные
И хохот чудака.

Зачем родился женщиной?
Зачем меняешь пол?
Не станешь сразу меньше ты:
Чеши на троне кол.

Когда-нибудь посадите
И будет он кричать.
С волнением не справитесь.

Что с чудака-то взять?

Закрой глаза белесые,
Закрой вонючий рот.
И станут детьми взрослые,
И заболит живот.

Рыдания отрыдаются,
А слезы, как поток.
В старух юнцы влюбляются.
Мир весел и жесток.

* * *

Смотрю глазами синими.
Смотрю в твои глаза.
Не увлечен красивыми
Под хохот дурака.

Но ты такая строгая
И грусть в потоке слез.
Хотя и не убогая,
По коже бьет мороз.

Наверно, хочешь робости,
Чтоб пожалели влет.
И нет печальной строгости,
Но есть красивый рот.

И тихо открывается,
И дикий холодок.
Нахалы не влюбляются,
А едут на Восток.

Вдыхай ты воздух холода,
А выдох – теплотой.
Не жди ты в любви голода.
Ответ всегда простой.

Задумалась и вздумала
На юге отдохнуть.
Река всегда угрюмая.
И трудно повернуть.

* * *

Стихи мои незрелые,
Наивности полны,
Как яблоки неспелые,
Как яблоки кислы.

Вернуть талант не смею я.
Вернуться не хочу.
Возможно, не сумею я.
Возможно, не взлечу.

А мне взлететь так хочется,
Но крыльев не дано.

Возможно, кто-то бросится
В раскрытое окно.

Волшебное мгновение
И жизнь перед лицом.
Потом одно презрение,
Сравнение с подлецом.

Зачем пошел на крайнее?
Безжалостный полет.
А смерть такая ранняя,
И крови полон рот.

Не будет обсуждения,
И только тихий плач.
Ты был в это мгновение
Жестоким, как палач.

* * *

Ушел диктатор ненормальный:
Нерусский первый президент.
Как бык курчавый и упрямый,
Европы резидент.

Поил, кормил в Европе молодых,
Но первым немцем стать не смог.
Отдал налево много «золотых»
И от тоски немного занемог.

Красивый, вроде, и рубаха парень.
Любил чудить и много выпивать.
И часто обижался, словно барин,
Когда пытались выпивку отнять.

Не царское такое, вроде, дело.
Но тапочки подносит Коржаков.
А тело в ожидании хотело
Все словоблудия дураков.

Родные русские поляны,
России голубой простор.
А первый президент упрямый:
Святой России он позор.

Ушел диктатор ненормальный.
Ушел в другой – загробный мир.
А мир тот, видно, аномальный,
Чумы бесовский пьяный пир.

* * *

Тишина, лесная тишина.
И распяты сонные кресты.
И свежа могильная земля.
И в тумане студёные мосты.

Тишина, ночная тишина.

Говорить уже не будут мертвецы.
Каждому готовила судьба
Из колючей проволоки венцы.

Тишина, притушены костры.
Замерзают белые тела.
Плечи мертвецов остры,
Не стыдлива только нагота.

Каждого родила Мать-Россия,
Каждому Россия мать дала.
А теперь лежат они красиво.
Такова, наверно, их судьба.

Горько видеть правду на земле:
Кровяное море из чудес.
Каждому дано по его судьбе.
Лишь один Христос воскрес.

Тишина, в могиле тишина —
Есть последнее законное желанье.
Протекает студеная вода
Мимо, унося мое страданье.

* * *

Долбают здесь, долбают там.
Долбают по России.
Я откровение продам

И поворот красивый.

Остался жить в краю родном.

В краю, где я родился

И у реки, в доме своем,

По-тихому женился.

Жена моя невестой быть

Давно уже решила

И в доме том рожать и жить

Себя благословила.

Законный муж, повенчан брак,

И тихое мгновенье

Поймал обиженный чужак,

Отбросив сожаленье.

Счастливо бесится семья:

Счастливые устои,

Родные поле и земля,

И теплые покои.

Немного надо для любви,

Для счастья немного:

Кусочек хлеба и воды

И благословенья Бога.

Кувыркайся с горы, кувыркайся,
И до озера долетишь.
Если выживешь, искупайся.
Если нет, то себя простишь.

А гора всегда будет высокой.
И ее нельзя уменьшать.
Если вырастишь дикой осокой,
То не будешь от счастья страдать.

Кувыркайся с горы, кувыркайся,
И растянешься на века.
Если влюбишься, то покайся
За грехи. А кто без греха?

Только вера спасет, только вера,
И не надо пред Богом грешить.
Непомерно великая мера
Всем отмерена навсегда.

Кувыркайся с горы, кувыркайся,
И останешься без костей.
Ты во всем супруге признайся
И к себе пригласи гостей.

Будет праздник, но без веселья,
И не будет разлито вино.
И закончится скоро безделье,
И осунется чье-то лицо.

* * *

Я зеленое поле укрою
Откровенной неправды волной.
И признание чье-то скрою,
И поссорю кого-то с женой.

Не ругайте меня откровенно.
Не готов я слушать ваш спор.
Только слушаю самозабвенно,
Как ломают чей-то забор.

Видно, въехали на кобыле.
Видно, пьяные казаки.
Видно, что-то опять забыли
Закадычные чудачки.

А забор все трещал и падал,
Не хотели стоять столбы.
А влюбленный любимую хапал,
И стучали твердые лбы.

Не хочу я терять сознание
В удивительный ясный день.
Я хочу услышать признание
На любовь наводящее тень.

А влюбленным чего-то надо,

Хотя им и так хорошо.
В красоте волшебного сада
Даже дышится, вроде, легко.

* * *

Совершать не хочу преступленья.
Только выхода нет у меня.
Снова вижу позора мгновенье:
Изменяет родная жена.

Мне не хочется видеть и слышать.
Мне не хочется жить без любви.
Неродное дыхание слышать
Под покровом ночной тишины.

Ночь сегодня само спокойствие,
А на небе такой беспредел
Наступает большое расстройство
И любовных слов раздел.

А когда-то, наверно, любили,
И желанье, как свежий прибор.
И под воду вдвоем уходили,
И держали судьбу под собой.

Я нырять не хочу без причины:
Под водой я любви не найду.
И в руках нет надежной резины.

Ненадежную просто рву.

Охладели тела до рыданья.
Боль пронзает ноги твои.
А большое больное страданье
Отвергает страсти мои.

* * *

Тишина осеннего леса.
Листья падают к земле.
Чтоб проверить, не надо отвеса
На любой лесной высоте.

Прошуршала машина лихая:
На поляне визжат тормоза.
Из машины – жена молодая
Безобразного старика.

Из машины – мужчина красивый,
Не наивный, но молодой.
Изменяют, родная Россия,
Даже осенью, даже зимой.

Кувыркаются в страсти коварной,
Подогретые терпким вином.
Стала женщина дико коварной,
Недовольной стариком.

Тишина осеннего леса
Нарушается криком любви.
А тела, словно без веса,
Отрываются от земли.

Мне не нравятся страсти России.
Мне не нравится женщин позор.
Мне не нравится муж некрасивый
И осенних листьев узор.

* * *

Упади лицом на колени,
Наслаждение ртом подари.
И не думай ты об измене:
И по-прежнему мужа люби.

Извращенье мое не безумье:
Наслаждение и радость для губ.
Был всегда и везде я умным,
Иногда, даже чуточку губ.

Я не трону руками колени,
Не посмею раздеть до конца.
И не будет бурных мгновений.
Будет только касанье лица.

Твои губы всегда наслаждение.
Их касанье до страсти остро,

Словно сон или забвенье,
И мне очень всегда хорошо.

Задышаться, конечно, не станешь,
Но порывистость налицо.
Возбуждение мое не обманешь,
Потому что мне хорошо.

Я старанье твое обожаю,
Только ты мне такое даешь,
Продолжаешь – не возражаю.
Ожидаю – не подведешь.

* * *

Старушка ненормальная,
Желания полна,
Большая аномалия,
Но любит до конца.

Знакомится на улице,
Ведет к себе домой
И чуточку волнуется
Любовник молодой.

В постель сама бросается
И тело на себя,
Губами прикасается
До жаркого огня.

Сгореть ему не хочется
От жуткого стыда,
Старушки в нутро мочится,
Но вытащить нельзя.

«Еще» – кричит уверенно
Старушка ясным днем.
До ночи все проверено:
Гори оно огнем.

Замрет в изнеможении
Любовник молодой.
Но видя глаз презрения,
Доволен не собой.

* * *

Крушение жизни семейной:
Крушение корабля.
И взгляд твой коварно надменный,
И яростные глаза.

За что, почему ты на рельсы
Сложила остатки любви?
Кому-то достанется меньше,
Кому-то лишь звук в ночи.

Проносится с грохотом поезд.

Направо, налево, вперед.
Не сдержит остатки пояса
Обтянутый поперек.

Я жизнью всегда был доволен
К вершине стремился с тобой.
Любовью к тебе был болен,
Поэтому стала женой.

Стучали на стыках колеса,
Бежали по рельсам года.
Влюбился в объятиях плеса,
Но мозг остужала вода.

Крушение жизни свершилось,
Рассыпались облака.
Измена в наш брак влюбилась.
Такая, видно, судьба.

* * *

Раздолбай большой семьи,
Человек не с улицы.
Я родился в день весны
Рядом с гнездом курицы.

Не молчала тишина:
Хрюкал поросенок.
Пеленала вся страна:

Непростой ребенок.

Рос талантливым всегда:
Восхищалась Родина.
Не молчала тишина,
Зрела леса родинка.

Призывался не как все,
Дрался с офицерами
И валялся на земле
С пьяными глазами.

А служил я хорошо:
Рушилась Япония.
На душе легко, светло.
Не ждала Эстония.

Возвратился не домой.
Отделилась раненой.
А прикрылась лишь ботвой
Свеклы ранней, пареной.

* * *

Нелюбимая ты, нелюбимая.
Может быть, я тебя полюблю.
Голосистая и красивая.
Может быть, тебя замуж возьму.

Возмущаешься ты, возмущаешься.
Восхищаться тобой не хочу.
По-хорошему не прощаешься.
Я по-тихому ухожу.

И торопятся дни, и торопятся,
А разлука уже тяжела.
И обиды на сердце копятся,
И чернеет цвет лица.

Встретил вечером, встретил вечером.
Только мимо ты прошла.
Не замечен я, не замечен я.
Стою тихо, как стена.

И торопятся годы, торопятся,
И уже на висках седина.
А на сердце рубцы все копятся,
И потухли мои глаза.

Нелюбимая ты, нелюбимая.
Видно, я тебя не люблю.
Голосистая и красивая.
Только замуж тебя не возьму.

* * *

Сидит напротив женщина:
«Скотина» невоспитанная.

Сидит напротив женщина:
Всем телом неупитанная.

Глаза шальные, пьяные,
Раскосые глаза.
А взгляды очень рьяные
И состоят из зла.

Рванет словами тайными,
И грохнет тишина.
И будут рядом крайними,
И согрешит душа.

Нельзя бороться с пьяными.
Нельзя их победить.
Ловить их надо ямами,
Чтобы спокойно жить.

Россия – страна пьяная,
И пьяницы кругом.
Напротив стерва пьяная
С пропитым всем лицом.

Простить ее убогую,
Наверно, надо всем.
В России длинноногую
Измажут краской стен.

Разбито лицо Ельцина,
А нос не поврежден.
У деда была мельница
Да ветхий на снос дом.

Рос Ельцин «зверьком» бешеным:
Кулацкое «дерьмо».
Уралом не «повешенный»,
Разбитое лицо.

Не стал «ублюдок» воином,
Служить не захотел.
Таранил русских «Боингом»,
Устроил беспредел.

Борьба была бескровная:
Разорвана страна.
Но месть вернется кровная.
Мстить будет сатана.

Россия бессловесная
Под Ельцина легла.
Еда для русских пресная,
Соленая вода.

А люди мрут не сотнями.
А в год весь миллион.
И слышится «болотными»

Людей печальный стон.

* * *

Верхушка не разрушится:
Стремятся все наверх.
Белье чужое сушится:
Я компромат отверг.

Мне тоже очень хочется
Сражаться наверху.
У самолета мочится:
Не вдарят по лицу.

«Не так сидим» – ведь сказано,
Наверно, сгоряча.
Тем самым всем показано:
Рубить надо сплеча.

Тебя избрали «на ура»,
Уральская «скотина».
Не возмутились небеса,
Не растворилась глина.

И тиши стала тишина:
Слова шумят крутые.
А оренбургская «свинья»
Приносит золотые.

Я отвергаю небосвод
Лихого «самодура».
Не надо брать самоотвод,
Если тончает шкура.

* * *

Вновь оренбургские друзья
Лихое отмочили:
Не вспахана опять земля,
А семена все сгнили.

Возглавит кто-то Крестный ход:
Грядет в России голод.
И смерти бешеный поход,
Со смехом дикий холод.

Кудрявый корчится мороз,
Смеется до упада,
Не собирая белых роз,
Бежит дорожкой сада.

В саду давно уже дрожат
Застывшие березы.
Тела рябин уже лежат:
Не вынесли угрозы.

А влажный снег уже искрит
И падает на сушу.

Родное сердце заболит,
Не остановит душу.

А оренбургские друзья
Лихое замутили.
Никто не ждал всему конца,
С Россией загрузили.

* * *

Святые русские слова
Втоптали в грязный мусор.
Святая русская вода
Снимает все укусы.

Волшебник вышел за порог,
И совершилось чудо.
Как будто вновь воскреснул Бог
На радость всего люда.

А храм святой не для чудес.
А для святой молитвы.
И в мыслях вырастает лес
Началом большой битвы.

Не надо трогать волшебство
И возвращаться в царство,
Где разоренное гнездо,
Где умирает барство.

Дворяне вымерли давно.
Остались лишь рабыни,
Которым очень хорошо,
Когда дают им дыни.

Не знаю я нерусских слов,
Не расколю полено,
Останусь, видно, вновь без дров
И застужу колено.

* * *

Взорвался газовый баллон,
И вывернуло душу.
И я скатился под уклон,
Сменив слезу на сушу.

Я откровенничать люблю,
Но говорить не стану,
Не нарушая тишину,
Подвергну все обману.

Кого-то просто обманул,
С кого-то взял я денег,
Кому-то в морду саданул,
В кого-то бросил веник.

Я не чудак, но я тупой

И валенок дырявый.
Наверно, к женщинам скупой,
Как дуб большой, кудрявый.

Не буду требовать любви
И смелости в постели.
Я не пойду на край земли,
Когда метут метели.

Зачем живу? Зачем пишу
Словесную поэму?
Зачем ревную и дышу,
И поднимаю тему?

* * *

Поднимается солнце из леса,
Ярко бьет в больные глаза.
Не боится ни черта, ни беса,
Но творит для меня чудеса.

Я встречаю его с почетом:
Уваженье с утра до утра.
Восхищаюсь солнечным взлетом
И паденьем его в никуда.

Удивленье мое безгранично
И истоки его хороши.
Настроенье всегда на «отлично».

Все эмоции для души.

Я согрею телесные боли,
Излечу свое сердце теплом
И усилием солнечной воли,
Заиграюсь священным лучом.

Никогда мне не горько от солнца,
От великого солнца тепла.
Открываю я миру оконце
И открытым держу всегда.

Мне не грустно, когда его вижу.
Мне не грустно, когда расстаюсь.
Я надеждой великой движим,
Что при встрече снова влюблюсь.

* * *

Темной ночью и светлым днем,
И зимой, и весной, и летом
Мое сердце бушует огнем,
Не гнушаясь осенним советом.

А совет удивительно ровен
И надежен, как белый кирпич.
Его смыслом немного я скован.
Видно, жизни моей это бич.

Удивляюсь осеннему слову,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.